

Роман Афанасьев

Знак чудовища

Чудовище

Роман Афанасьев

Знак чудовища

«Автор»

2022

Афанасьев Р.

Знак чудовища / Р. Афанасьев — «Автор», 2022 — (Чудовище)

Сигмон Ла Тойя с детства мечтал о карьере военного. Но от умерших родителей ему достался только титул мелкого землевладельца да старое имение. С таким наследством в маршалы не выбьешься... Сигмон был счастлив стать хотя бы курьером при втором пехотном полке королевской армии. Он не мог даже вообразить, что первое же задание обернется для него смертельно опасной чередой сражений и погонь, столкнет с колдунами, эльфами, вампирами и воинами-монстрами, отнимет все, что у него было, и наградит взамен Знаком чудовища...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Афанасьев

Знак чудовища

Глава 1

ТЕМНАЯ МЕТКА

Из леса пахло едой: густой дух мясной похлебки витал над дорогой, вышибал слюну и заставлял шумно втягивать носом пыльный воздух. Живот сводило от голода, а разыгравшееся воображение рисовало картины королевского пира.

Сигмон учуял соблазнительный запах давно, еще час назад. Тогда, сидя на обочине, он как раз размышлял, стоит ли продолжать путь или лучше вернуться в Меран и отыскать того сержанта, что посоветовал короткую дорогу. На деле она обернулась пыльным проселком, совершенно пустым, тянувшимся бесконечной лентой среди густого леса. Для советчика уже было приготовлено много теплых слов, и Сигмон боролся с искушением немедленно развернуть коня и галопом отправиться назад, к большому тракту. Но вернуться – значит потерять два дня, а пакет, хоть и не срочный, ждут в гарнизоне. Пусть он только курьер, а не специальный гонец, и от него не требуются чудеса скорости, но рисковать не хотелось. Первое настоящее поручение нельзя провалить. Работу надо выполнить в срок, получить хорошие рекомендации и, наконец, поступить на действительную службу в штаб второго пехотного полка.

Сигмон ла Тойя, кадет пехотного корпуса, курьер на испытании, просто не мог опоздать. Права не имел. Поэтому сейчас он хотел знать, верно ли он едет и доберется ли до Пасама за четыре дня. Но, как назло, дорога пустовала: за два дня пути он не встретил ни единой живой души. Округа будто вымерла. Сигмон стал уже сомневаться в том, что поступил разумно. Наверно, следовало придерживаться карты и ехать положенным маршрутом, а не полагаться на советы в надежде выиграть день или два. Сейчас вся надежда была на то, что ему все-таки удастся встретить кого-нибудь, кто укажет верный путь. Поэтому, почуяв запах еды, Сигмон приободрился, справедливо рассудив, что где еда – там и люди. Когда же он увидел, что от дороги в лес уходит тропа, натоптанная, широкая, такая, что телега проедет, он, не задумываясь, повернул коня.

Гнедой жеребчик с белым пятном на лбу неторопливо брел меж зарослей орешника, затаптывая следы тележных колес, едва заметных на сырой земле. Сигмон его не торопил. Судя по запахам, до жилья было рукой подать.

Вечернее солнце катилось к закату, и бледные солнечные лучи едва пробивались сквозь раскидистые кроны деревьев. Курьер поднял голову, осмотрелся и решил: до темноты еще далеко, и он успеет выйти к людям. Это радовало: ему до смерти надоело спать на холодной земле. Конечно, курьер должен быть готов ко всему, но дело не срочное, и жертвовать ради него удобствами Сигмон не собирался. Оно того не стоит. Чтобы понять это, ему вполне хватило двух ночевок на обочине дороги.

Лес раздался в стороны, открывая вырубку и первые деревенские дворы. Сигмон с облегчением вздохнул. Все надежды оправдались, и он уже предвкушал, как завалится на печь и зароется головой в подушку. Он даже был готов довольствоваться охапкой соломы, лишь бы сверху не капал дождь и от земли не тянуло холодом.

Под несмолкаемый гомон деревенской живности и восторженные крики детворы курьер поехал по широкой улице, тянувшейся через всю деревню к просторной площади. Посреди нее красовался высокий сруб колодца. Деревня оказалась большой и, судя по всему, зажиточной.

Бревенчатый дом с рисунком пивной кружки на дверях был, несомненно, кабаком, а это означало, что у крестьян водились деньги.

Его ждали. У дверей кабака стояли три крепких бородатых мужика и откровенно разглядывали гостя. Пялились во все глаза, если говорить без обиняков. Сигмон направил коня к ним, полагая, что почетного караула с фанфарами ожидать не стоит.

Навстречу гостю шагнул кряжистый мужик лет сорока. Был он невысок, не так широк в плечах, но зато упитан и одет лучше земляков. Да и вид имел солидный: подбородок чисто выбрит по городской моде, а шикарные сивые усы завиваются кольцами едва ли не до ушей. Судя по всему, именно он и был старшим.

– Здрав будь, господин военный, – сказал усач. – Я староста деревни, звать Поттон. По делу к нам, в Холмовицы, или проездом?

– Проездом, – отозвался Сигмон и спрыгнул в бурую пыль. – Найдется где переночевать?

– Отчего ж не найтись, – отозвался староста, щурясь на мундир гостя. – А кто сам будешь, куда следуешь?

– Сигмон ла Тойя, курьер второго пехотного Вентского полка, следую в Пасам с поручением, – отчеканил Сигмон, не упустив случая подчеркнуть, что находится на службе.

Староста моргнул и почесал нос. Мужики за его спиной зашептались: служивым людям было предписано оказывать всяческое содействие, о том помнили все.

– Мне бы переночевать и дорогу узнать, – добавил Сигмон, понимая, что деревенские опасаются за своих коней. Гонец на службе вправе потребовать, какого захочет.

– Будь моим гостем, господин военный, – сказал Поттон, довольно разглаживая усы. – Пройдемте в дом. Как раз Мариша на стол собирает. Солнышко садится – ужинать пора.

* * *

Угощение пришлось как нельзя кстати. Стол был накрыт богато, словно здесь ждали гостей. Жареная курица с румяной корочкой, густой подливой и посыпанная от души зеленью занимала почетное место в центре стола. Впрочем, и другой снеди хватало. Распаренная гречка, маринады, непременно капуста, длиннющая колбаса, пироги – все это исходило таким ароматным духом домашней еды, что оголодавший курьер едва не лишился чувств.

– Хорошо живете, – бросил он старосте.

– Не бедствуем, – согласился тот и предложил садиться за стол.

Первым делом отдали должное курочке. Потом добрались и до колбас и до маринадов. Сигмон ел с охотой, смакуя каждый кусок, – понимал, что не скоро еще доведется отведать такого угощения. Запивая еду крепким пивом, отдававшим медом, он поглядывал на старосту. Тот, заметив, что гость голоден, с разговорами не лез и старался в еде не отставать. Его жена, длинная и тощая, как жердь, женщина со светлыми волосами, едва успевала подавать тарелки со снедью. Женщине помогала дочка – симпатичная девица на выданье. С пшеничными косами и озорными синими глазами. Ими она постреливала в сторону Сигмона так, что тот порой давился пивом.

Один такой взгляд перехватил староста, нахмурился и велел оставить их с гостем наедине. Женщины ушли из горницы, но Сигмон успел поймать еще один взгляд синих глаз. Игривый такой взгляд, каким порой его одаряли барышни из Вента.

– Ну, стало быть, – начал староста, наливая себе пива из большого глиняного кувшина. – В Пасам путь держите?

– Точно так, – откликнулся Сигмон, возвращаясь в реальный мир. – Решил срезать дорогу, да, похоже, заплутал.

– Отчего ж, – буркнул Поттон. – Верно все. Отсюда на юг три дня конному, потом свернуть у Сивого луга на запад, а там рукой подать до Пасама.

– Отраднo слышать, – кивнул курьер. – Этой дороги я не знаю, пришлось положиться на совет. Но за два дня пути я не встретил ни одной живой души и подумал, что заблудился.

– Бывает. Сейчас у нас работы много, в город редко кто ходит. Вот через седмицу, пожалуй, народу на дороге прибавится. Хотя тут редко кто, кроме нас, деревенских, бродит. Там, на юге-то, поживей будет. У Сивого Луга народу больше живет, но они к нам не суются. До Мерана им далеко, до Пасама много ближе. Нам же – что так, что эдак. В самой середине мы, меж городами. Но от того не грустим, господин военный. Живем тихо, никого не трогаем и рады, когда нас не трогают.

Сигмон опустил глаза и уставился в кружку с пивом. Староста все бормотал, рассказывая про загадочный Сивый Луг, но курьеру не было до этого никакого дела. Все, что было нужно, он уже узнал и теперь вспоминал голубые глаза и пшеничные косы дочки Поттона. Погружаться в обсуждение дел деревенских он не хотел – даже из вежливости. Но, заметив, что староста внимательно его изучает, дожидаясь ответа, курьер кивнул.

– Спасибо за угощение, – сказал он. – Давно так вкусно не ел.

– А на здоровьице, господин военный. Вы, ежели не ослышался, из Вента?

– Точно так.

– Значится, про нас вряд ли слышали. Про деревню-то, про Холмовицы?

– Не слышал, – отозвался Сигмон и насторожился. – А что?

– Да писали мы в Меран, господину Страмону, городскому главе. А ответа нет. Жаль, что вы не из Мерана. А то, может, слышали про наше письмо?

– Не слышал, – отрезал Сигмон, не желая внимать крестьянским жалобам. Наверняка пишут, что налоги велики, да ябедничают на жадных соседей, отхвативших какой-нибудь лужок, принадлежащий, разумеется, от века холмовицким.

– Нет ответа и нет, – проговорил староста, игнорируя слова гостя. – Все впустую. Жаль, жаль.

Он придвинул к себе кувшин с пивом и наполнил кружку. С верхом, так что пена плеснулась через край. Задумчиво заправил пену пальцем обратно в кружку и задумался, изучая ноготь.

– А что случилось? – спросил курьер, чтобы поддержать затухающий разговор, и тут же пожалел об этом.

– Донимает нас, понимаешь, колдун. Живет тут недалеко, под боком, почитай, да насылает на деревню тварей. Сначала скотину изводили, потом, слышь, и до мужиков добрались.

– Ага, – глубокомысленно заметил курьер. Он понял, что ему придется выслушать одну из деревенских баек, сильно разбавленную жалобами на тяжелое жите-бытье. Впрочем, вечер только начинался, пива и закуси еще в достатке... Почему бы нет?

– Он пришел лет десять назад с севера. – Поттон хлебнул пива и намочил в пене левый ус. – Маг то бишь.

– Как же маг? – переспросил Сигмон. – Колдун?

– Тогда, стало быть, маг это был. Самый настоящий, по всему виду, из коллегии магов. Из Мерана, а то даже и из Вента.

– Так все же маг или колдун?

– Вы, господин военный, уразумейте. Пока он служит королю и людям – он маг. А как пакостить начинает, то сразу колдун.

– Ага, – снова сказал Сигмон, поразившись простоте и точности определения.

Староста попробовал пиво, замочил в пене и правый ус, крякнул и одним глотком вымакнул всю кружку.

– Так вот, стало быть, пришел он с севера. Ничего не просил, сказал только: жить тут буду. Правильно так сказанул, по-соседски. И ушел за лес, к холмам. Тут недалеко, две лиги, если по прямой. Там и осел. Дом построил. Мы ему не помогли, он все сам. Магией, стало

быть. Ну и стал поживать. Мы его не видели и не слышали. Бабы, конечно, сначала бегали к нему. Просили отваров, зелий всяких. Даже погадать просили. Я забеспокоился, как бы смуты не вышло: от приворотных зелий порой такая кутерьма случается... Но маг на баб осерчал. Прогнал их в шею, кричал, что не ведунья и не ведьма деревенская. На том бабы и успокоились. Пару лет не было от него вестей. Он к нам не лез, мы к нему. Но полгода назад началось.

– Что началось? – переспросил Сигмон, так как староста крепко задумался, разглаживая мокрые усы толстыми, как сосиски, пальцами.

– Неприятности, – наконец веско уронил староста и наполнил кружку пивом.

Сигмон последовал его примеру. История про мага его заинтересовала. Похоже, речь шла о чем-то интересном, о таком, что не стыдно будет рассказать в казарме после отбоя.

– Неприятности, стало быть, началось полгода назад, – повторил староста, припоминая, что именно случилось. – А началось все с коровы старой Мирены. Задрали ее насмерть. Корову, стало быть. А потом пошло-поехало. Курей передавили, лошадь у меня задрали. Все – по ночам. Озоровать, стало быть, нечисть начала. И главное – следов никаких. Ни на земле, ни на траве... Собаки как сбесились. След не хотели брать, визжали, пятились, ну ровно кто их напугал. Да только моего брехуна мало кто напугать может.

– Может, медведь? – предположил Сигмон.

– Какое там. Медведей тут нет. Да и следы от медведя – слепой заметит.

– И все же...

– Дальше, стало быть, послушайте. Когда пятую корову задрали, наши мужики взбеленились. Особо кумовья Тимор и Панаш – их это корова была. Ну и устроили засаду, стало быть. В лесу козу на ночь оставили, вроде заблудилась, а сами за ней следить. Все честь по чести. Думали, что волчара больно умный объявился. Бывает такое.

– И как, поймали?

– Нашли мы их утром. Подранные в клочья, будто зверюга тигра их драла. Тимор к вечеру умер, а Панаша откачали. Он-то про нечисть и рассказал. Вроде как ночью напала на них тень, обличьем на человека похожая. Но с когтями. И так быстро бегала, что и не рассмотрели они ее толком. Не успели. Одно слово – нечисть. Панаш-то потом оклемался, но до сих пор ходит, как пришибленный, от каждого шороха вздрагивает. И заговариваться начал. Везде ему привидения мерещатся. Даже на покос и то с копьем дедовским ходит.

– А что колдун-то? – напомнил курьер, опасаясь, что староста собирается поведать о нелегкой судьбе кума Панаша.

Староста хмыкнул, хлебнул пива и уцепил с блюда кругляш кровяной колбасы. Жадно сжевал, запил из жбана и шумно рыгнул. Потом продолжил:

– Мы сразу смекнули, что нечисть от колдуна. Тут до него отродясь такого не видели. И не слышали. Так вот, стало быть, собрались мы кучей и двинули к нему в гости, разобраться, что к чему.

– И что? – заинтересованно спросил Сигмон, предвкушая, как поведает эту историю сержанту Трегору, охочему до деревенских баек.

– Поссорились мы. Напустился он на нас, как цепной брехун. Он, вишь, жизнь положил на борьбу с нечистью, не нам его винить. Что, стало быть, знать ничего не знает. Ну, поругались мы маленько и разошлись.

– И все? – разочарованно спросил Сигмон, ожидавший более энергичной развязки.

– Какое там. Нечисть за людей принялась. За последний месяц двоих прикончила. Теперь не дерет – кровь пьет. Утром, помню, нашел кума у околицы. Лежит в траве, холодненький. И без кровиночки. Ходили мы еще раз к колдуну, грозились, а он нас в ответ огнем пугнул. Колдун, одно слово. Вот мы в город и отписали. Только ответа все нет, хотя почитай, две седмицы прошло. Я, как вас, господин военный, увидел, подумал, что вы по нашему делу.

Сигмон отхлебнул пива и довольно прищурился: вежливое обращение грело душу. Тут он – господин военный. Уважают. А в казарме он кадет – то подзатыльник отвесят, то мыть полы заставят. Сигмон снова приложился к кружке, радуясь, что так удачно вырвался из Вента. Похоже, большинство историй о курьерской жизни, что рассказывали старички, оказались сущей правдой. Хорошо все же быть курьером. Это не солдатская доля – пыль на плацу глотать. И воли чуть есть, и приключения стороной не обходят. А еще – почет и уважение от местных.

Сигмону вспомнились голубые глаза дочки старосты, и он задумался, пытаясь припомнить, что там Трегор рассказывал о сеновалах.

– Так, стало быть, поможете нам? – спросил староста, подливая пиво в кружку гостя.

– Что? – Сигмон заморгал, понимая, что, замечтавшись, пропустил последние слова старосты.

– Я говорю, сходите к колдуну завтра? Потолкуете с ним? Нас-то он теперь и близко к дому не подпускает.

– И о чем с ним толковать? – спросил Сигмон, отодвигая наполненную кружку.

– Ну, спросите про нечисть-то. Слыхали, мол, как она тут лютует. Может, испугается колдун, притихнет. Вы – человек военный, на службе. Ему, чай, такой интерес не с руки. А наша весточка тем временем дойдет до кого надо.

– Не знаю, не знаю, – протянул Сигмон, не решаясь напрямую отказать старосте.

Связываться с колдуном ему не хотелось. Расследовать такие случаи – дело коллегии магов, а не военных курьеров. Тут мечом делу не поможешь, будь ты хоть первым клинком королевства. С другой стороны, приняли его в деревне хорошо, по всем правилам. Отказать хозяевам в просьбе – обидеть. Тем более что она на первый взгляд пустяковая. Просто сходить к магу, поговорить с ним. Но дело в том, что не маг то – колдун.

– Просто поговорите с ним, господин Сигмон, – не отставал староста. – Не обидит он вас, заботится военных.

– Обидит! – выдохнул курьер и расправил плечи, показывая, что плевал он на всех колдунов королевства. Разом.

– Я ж говорю, что заботится, – подхватил Поттон.

– Не в этом дело, любезный староста, – отозвался Сигмон, жалея, что к двадцати годам так и не обзавелся усами, которые можно лихо подкрутить. – Я на службе. Тороплюсь с пакетом в Пасам и задерживаться в пути мне непозволительно.

– А вы и не задержитесь, господин военный. Тут до Пасама рукой подать. Вы же сначала через Мибер хотели ехать? А потом к нам свернули? Все верно. На два дня раньше доберетесь. Я вам картейку начерчу, не ошибетесь.

– Ну, не знаю. – Сигмон покачал головой, начиная жалеть, что свернул к деревне. – Далеко ли до колдуна?

– Да туточки он, рядышком. Верхом до его дома быстро обернетесь. Туда и обратно – к обеду управитесь.

– К обеду? – переспросил курьер, все еще не решаясь отказать.

– Как есть к обеду. Откушаем все вместе, а потом вы спокойно отправитесь в Пасам. И вот что, господин военный...

Староста тяжело поднялся из-за стола, опираясь на гладко выструганную столешницу обеими руками.

– Вот что. Давайте-ка переночуйте у меня, господин военный. Вон уж и солнышко село. А утром, на свежую голову, и поговорим о деле.

– Идет, – быстро согласился Сигмон, рассчитывая, что за ночь придумает, как вежливо отказать старосте.

– Ночевать где будете? Могу здесь, в горнице прямо постелить, у печи.

– Я буду спать рядом с моим конем, – гордо заявил Сигмон, припоминая рассказы Трегора. – Где он?

– А в сарае, там и моя сивка стоит. Что ж, сейчас лето, тепло. Сразу видно настоящего военного – от боевого товарища ни на шаг.

Курьер поднялся из-за стола, стараясь сохранить гордую осанку. Слова старосты ему понравились. Он, в общем-то, имел в виду вовсе не это, но и так хорошо получилось.

– Куда идти? – спросил Сигмон и чуть покачнулся. Во всем теле ощущалась приятная тяжесть, голова немного кружилась. Пиво оказалось добрым – мягким и крепким.

– Да за дверью сразу налево, там конюшня. И вот еще что. Ежели соберетесь на двор, господин военный, так лучше идите на огород, за овин. Там всего сподручней.

Сигмон кивнул и направился к двери, чувствуя, что за овин ему надо прямо сейчас.

* * *

Все оказалось именно так, как он себе представлял. Большой сарай, переделанный под конюшню, тихое посапывание лошадей, колкое сухое сено... И томительное ожидание. Сигмон ждал, надеялся и все же, когда скрипнула дверь сарая, не сразу поверил, что это происходит на самом деле.

Он заворочался, разбрасывая сухое сено, и сел. Она подошла ближе. Светлые волосы были распущены и стелились по плечам, как река мягчайшего шелка. Курьер приподнялся, чувствуя, как сердце выдало барабанную дробь, – дочь старосты все-таки пришла. Сама. К нему. В распахнутую дверь ярко светила луна, заливая сарай молочным светом, и силуэт девушки казался вырезанным из черной бумаги. Прекрасный силуэт, такой близкий и желанный...

– Сигмон, – шепнула она, опускаясь на сено.

Курьер потянулся к ней, обнял, жадно прижал к себе, желая слиться в одно целое, не упустить ни единого мгновения наслаждения. Голова девушки запрокинулась, луна высветила ее профиль, сделав его белоснежным, как у мраморного изваяния. Она прикрыла глаза и потянулась губами к лицу курьера – робко, не надеясь на ответ. Сигмон не выдержал и впился в ее уста, прижимая к себе податливое и теплое, как пуховая перина, тело. Девушка вздрогнула, обхватила руками его плечи и мягко, но настойчиво потянула на себя...

Она оказалась совсем не такой, как те городские девицы, с которыми Сигмон весело проводил время. Ее тело было по-крестьянски крепким, плотным и в то же время податливым. Она таяла в его руках, вся, без остатка, отдаваясь ласкам гостя. Никаких затей, все просто и естественно, по-доброму провинциально, так, как оно и должно быть. И так было.

Позже, много позже, лежа на сене, пахнущем луговыми травами, и слушая тихое сопение лошадей, Сигмон сообразил, что не знает, как ее зовут. Ему сделалось страшно неловко. Он пошевелился, и девушка подняла голову. Сигмон протянул руку и вытащил длинную соломинку из распущенных пшеничных волос.

– Какой ты сильный, – прошептала она и провела ладонью по вспотевшей груди курьера. – И храбрый.

– Тут храбрости не надо, – отозвался Сигмон и смущенно кашлянул.

– Отец сказал, что ты поедешь завтра к колдуну. Никто из наших не пошел, все боятся. Ты храбрый.

– Я... – Сигмон замялся и снова кашлянул. – Да. Поеду.

– Сигмон, – прошептала она, обнимая его широкие плечи. – Сигмон....

Курьер навалился на нее, обнимая. Она пахла травой и молоком, и этот запах сводил его с ума. Зарывшись лицом в ее волосы, он подумал: почему бы нет?

– Как, – прошептал он, – как тебя зовут?

– Иша. Можно просто Ишка.

– Ишка.

– Сигмон...

Их губы встретились, и курьер тут же позабыл и о колдуне, и о своем обещании. Для него не существовало ничего, кроме девичьего тела, пахнувшего травой и парным молоком...

Проснулся он с первыми лучами солнца. Довольно потянувшись, курьер поднял голову. Рядом никого не было, и только разворошенное сено напоминало о том, что ночью гостя посещала прекрасная хозяйка дома. Сигмон приподнялся, осмотрелся и с довольным стоном повалился обратно. Чувствовал он себя прекрасно, несмотря на то что не выспался. Деревня, крестьяночка с голубыми глазами, сеновал... Определенно, в жизни курьера есть свои прелести. Сигмон потянулся, сладко зевнул. День начинался отменно.

– Эгей! – донеслось снаружи. – Господин военный!

Сигмон вскочил, подхватил штаны и запрыгал на одной ноге, пытаясь втиснуть другую в тесную штанину. Голос принадлежал старосте, отцу Ишки, и курьеру не хотелось, чтобы его прихватили в сарае со спущенными портками. О том, как незадачливых любовников крестьяне потчевали дрекольем, он тоже слышал.

– Господин военный!

– Иду! – заорал Сигмон, натягивая камзол. – Иду!

Староста ждал снаружи. Гость вывалился из сарая, растрепанный, с соломинками в волосах, но Поттон только ухмыльнулся. Курьер, озабоченный тем, как сохранить солидный вид, этого не заметил. Пригладив волосы, Сигмон откашлялся. Потом поправил пояс, перевязь с кавалерийской саблей, одернул камзол и решил, что выглядит вполне прилично.

– Как спалось? – спросил староста.

– Благодарю, отменно, – вежливо ответил Сигмон.

– Прощу к столу. Позавтракайте с нами перед дорожкой.

– Конечно. Но не рано ли еще?

– В самый раз. Народ уже на работу потянулся. Откушайте с нами, а потом можно и ехать к колдуну.

– К колдуну? – переспросил курьер.

– А то как же. Помните наш вчерашний разговор?

– Помню, – кивнул курьер, хотя совершенно забыл о просьбе Поттона.

Ехать не хотелось. Настроение сразу испортилось, и Сигмону отчаянно захотелось вскочить на Урагана и дать деру. Ведь он ничего не обещал! Собирался только подумать над предложением и обсудить его с утра, на свежую голову.

Староста молчал, выжидающе смотрел на гостя и ждал ответа. Усы Поттона воинственно топорщились, а на лбу явственно проступили морщины. Отступить он не собирался.

Сигмону же вспомнился жаркий шепот Ишки, как она называла храбрым и сильным. Вот ей-то он обещал, что поедет. И если сейчас откажется от своих слов... Курьер поморщился. Нет. Это не дело. Воины второго пехотного полка не отступают. Солдату трусить нельзя и тем более позориться перед дамой. А хоть бы и крестьянкой. Что она запомнит? Сладкую ночь? Вовсе нет, она запомнит утреннее бегство кавалера. Никак не возможно.

Сигмон расправил плечи, набрал полную грудь воздуха и снова пожалел о том, что у него нет усов.

– Разумеется, – выдохнул он. – Сначала завтрак – потом поездка. На голодный желудок с колдунами разговаривать несподручно.

– Само собой, – подхватил Поттон и снова ухмыльнулся в усы. – Прощу господин военный, за мной. Завтрак ждет.

* * *

Дорога к дому колдуна шла мимо полей. Отяжелевший от обильного завтрака, больше напоминавшего праздничный обед, Сигмон покачивался в седле и лениво посматривал по сторонам. По всему выходило: нужно поторапливаться, чтобы после обеда выехать в Пасам, но спешить не хотелось. Мирный деревенский пейзаж успокаивал, а мерное покачивание в седле убаюкивало. В воздухе разливался аромат свежескошенной поутру травы, округа дышала благодатью... И напоминала о детстве.

Сигмон хорошо знал такие деревеньки, где жители просты, трудолюбивы и не любят лишней суеты. Отец Сигмона, тан ла Тойя, владел тремя подобными деревушками, и Сигмон, единственный ребенок в семье, часто сбегал из поместья в ближайшую. Он предпочитал играть с деревенскими ребятами, а не сидеть в душном зале за книгами. Матушке это не нравилось, а вот отец – широкоплечий добродушный великан с черной гривой волос – всегда был на его стороне. Это было чудесное время. Но когда Сигмону исполнилось двенадцать, отец умер от лихорадки. Исчах он быстро, за несколько дней. Следующие пять лет Сигмон не отходил от матери. Ни на один день не отлучался из поместья, не решаясь расстаться с Мирандой ла Тойя, подавленной смертью супруга, но несломленной.

С этого времени Сигмон засел за учебу, выполняя указания матушки. Он научился читать и писать, прочитал все книги в домашней библиотеке, собранной еще дедом, и навсегда влюбился в военное дело, изученное по десяткам книг. Стать бравым воином, сделать карьеру в армии – это стало пределом мечтаний молодого тана. Судьба землевладельца не привлекала его. Да и как может привлечь учет доходов и расходов юношу, день и ночь машущего старым дедовским мечом? Зов боевых труб, кавалерийская атака, осада городов – вот о чем грезил Сигмон. И это стало трагедией. Паренек из захолустного поместья, выросший под надзором матери, не мог рассчитывать на карьеру военного. Наемник, солдат – вот и все, что ему было доступно. Бравые капитаны, суровые полководцы, маршалы – все они с детства готовились к карьере. Военные династии, где внук повторял путь деда, не были редкостью, к тому же большинство военных обладали высокими титулами, будучи наследниками знатных родов. В этом мире мальчишке из тихого деревенского уголка места не было.

По вечерам, ворочаясь в холодной постели, Сигмон мечтал о военных подвигах, о масштабных баталиях, о жезле полководца... А днем, видя, что в волосах матери прибавилось седых волос, клялся себе, что не оставит ее. Никогда.

Миранда ла Тойя продержалась пять лет. Но все же так и не смогла смириться с потерей мужа. Она тихо стаяла, как свеча, и отошла в мир иной во сне, ровно через три дня после семнадцатилетия сына. Сигмон был безутешен. Весь следующий месяц он ни с кем не разговаривал, замкнулся, стал избегать людей. Все дни проводил в библиотеке, листая старые книги, пытаясь забыться и затерять свое горе среди придуманных историй. Потом он оправился от удара и все же взялся за дела имения. Но через полгода, весной, он принял решение, изменившее его жизнь.

Он никогда не хотел быть землевладельцем, собирающим дань с мелких деревушек – где медяками, а где и провиантом. Сигмона манили города, людные, шумные, где можно встретить и рыцарей, и магов, и старых вояк, и прекрасных дев. Деревня опостылела ему, вьелась в печенки, и он тосковал так, как может тосковать только молодой парень, запертый в четырех стенах и вынужденный просматривать бухгалтерские книги. Поместье представлялось ему пыльной и душной ловушкой, склепом, где хорошо горевать по ушедшим родителям, но не жить. Каждая вещь в доме напоминала ему об отце или о матери. Сигмон чувствовал, что еще полгода такой серой жизни среди осколков прошлого, и он сойдет с ума. Поэтому однажды мартовским днем, холодным и сырым, он стал собираться в дорогу.

Поместье оставил на управляющего – Дита Миерса, служившего еще его отцу. Дит, заменивший Сигмону деда, любил сына хозяина, как родного внука. У самого Миерса не было ни жены, ни детей, так уж сложилась его жизнь. Поэтому, когда Сигмон сказал ему, что оставляет поместье, Дит заплакал. Потом обнял молодого хозяина и пошел седлать коня. Управляющий понимал, почему уезжает тан, и не уговаривал остаться. Только попросил его обязательно вернуться. Сигмон обещал.

Через два дня он был уже на пути, ведущем в Вент, столицу Южного герцогства. Хотя его поместье и располагалось в Западном, до Вента было не так уж далеко. Но и не близко. Как раз достаточно для того, чтобы не сбежать ночью домой, поддавшись искушению покинуть армейскую жизнь. Кроме того, в Венте жил старый знакомый Дита – конюший Бернем. Он переписывался с управляющим и был в курсе бед, постигших семью ла Тойя. У него Сигмон и остановился. На счастье, Бернем оказался знаком с конюшим графа Тиффера, командующего вторым пехотным полком. От него-то Сигмон и узнал о наборе в корпус кадетов и явился на комиссию. Юноше снова повезло – он очутился в нужном месте в нужное время.

Кадетский корпус, затея графа Тиффера, был предназначен как раз для имевших образование отпрысков небогатых, не очень знатных семей. Для таких, как Сигмон. Армейским офицерам нужны толковые ординарцы, подручные, курьеры, причем такие, что разбираются в военном деле. Деревенских и простолюдинов забирали в солдаты, знать шла служить на заранее выторгованные места, а вот сообразительной и расторопной молодежи не хватало. И граф Тиффер решил ее воспитать.

Сигмон был принят в корпус сразу после комиссии. Здоровье у него было отменное, образование подходящее. Кроме того, он был сообразителен и страстно желал стать военным. Он пришелся в самый раз для кадетского корпуса, как клинок к ножам, сделанным на заказ.

Три года пролетели незаметно. Сигмон подружился с такими же сыновьями танов, как и он, пожил в казарме. Его вымуштровали и натаскали в военном деле. Заметив, что парень хорошо ладит с лошадьми и любит путешествовать, его перевели в курьеры. Сигмон был этому рад.

Все это время он переписывался с Дитом. Дела дома шли неплохо – управляющий знал свое дело и не позволял хозяйству развалиться. Он ежемесячно присылал деньги молодому хозяину – немного, но достаточно, чтобы не голодать. Сигмону нравилась новая жизнь, и он пока не собирался возвращаться. Хотел он лишь одного, чтобы его перевели из кадетов в действительные курьеры второго пехотного полка. Только тогда он получил бы право называться военным. И носить форму. И вот неделю назад ему наконец-то поручили задание – доставить пакет в гарнизон Пасама. Это была прекрасная возможность показать себя в деле.

Припомнив о поручении, курьер вздохнул. На самом деле он был не прочь бросить глупую затею с колдуном и отправиться в Пасам. Но отступать не хотелось – с половины дороги не поворачивают. Тем более что она, судя по всему, подходила к концу: давно уж вела по лесу и теперь больше напоминала нехоженую тропу.

Ла Тойя стал оглядываться, тревожась, не пропустил ли нужный поворот. Но вроде их быть не должно, Потгон говорил, что дорога выведет к дому колдуна. Он подхлестнул Урагана, конь обиженно фыркнул, но пошел быстрее.

Вскоре Сигмон увидел невысокий забор из камней, уходящий в заросли орешника, и большие кованые ворота, оплетенные вьюнком. За воротами виднелся сад, заросший сорной травой, а дальше – стена дома, скрытого кронами диких яблонь. Курьер тяжело вздохнул и спешился. Пора было исполнять обещание.

* * *

Ворота были заперты, а на его окрик никто не отозвался. Урагана пришлось оставить у входа. Убедившись, что жеребец крепко привязан к решетке ворот, курьер перелез через забор и направился к дому.

Сад выглядел ужасно. Когда-то роскошный и ухоженный, теперь он казался заброшенным. Польсевшие, несмотря на лето, деревья, дорожки покрылись листьями; растрепанные кусты срослись в причудливые лабиринты; лужайки заросли сорной травой и были изрыты кротовыми норами. Складывалось впечатление, что здесь давно никто не живет. Сигмону стало жутковато, и он поспешил пройти к дому.

Строение было довольно большим: два этажа, высокая остроконечная крыша и просторное крыльцо говорили о том, что на его возведение потрачено много сил. Вот только выглядел дом не лучше сада. Серые камни стен заросли понизу мхом и потемнели от воды. Окна, узкие и высокие, были забраны разноцветной мозаикой. Но она давно выгорела на солнце и покрылась грязью. По стенам вился дикий зеленый плющ, каменные ступеньки крыльца начали крошиться, а дорожка, ведущая к ним, заросла травой.

Сигмон подумал, что так выглядят дома, где никто не живет. От этой мысли ему стало легче: встречаться с колдуном не хотелось. Нет, он не боялся, но все же... Чем меньше с ними встречаешься, тем лучше. Одно дело – городской маг, из гильдии магов, живущий в городе, среди людей. В Венте Сигмон их видел предостаточно и давно к ним привык. Это обычные горожане: и пива выпьют, и ругнутся, а те, кто помоложе, и служанку ущипнут. Но совсем другое дело – волшебник, удалившийся на покой, отшельник, не желающий никого видеть. У таких магов бывает не все в порядке с головой. Про них рассказывают множество историй, и большинство кончаются очень неприятно для случайного путника, нарушившего покой отшельника.

Сигмону захотелось развернуться и убраться подальше от этого заброшенного дома. Сказать старосте, что тут давно никто не живет, отправиться в Пасам и навсегда забыть об этой истории. Он даже остановился и взглянул на солнце, прикидывая, успеет вернуться к обеду или нет.

В этот момент деревянные створки дверей распахнулись, и на крыльцо из темного проема шагнул человек. Сигмон подался назад, положил руку на рукоять сабли и замер.

На крыльце стоял маг – в этом сомнений не было, никем иным хозяин дома и не мог быть. Правда, он больше был похож на булочника: невысокий, плотный, с намечающимся брюшком. Но его глаза, темные, почти черные, смотрели так, словно готовились пронзить собеседника. Так, как смотрят глаза магов. А в остальном это был обычный старик: копна седых волос рассыпана по плечам, растрепанная борода свисает до пояса. Одет маг был в серый балахон, покрытый сальными пятнами. Неопрятный, неухоженный старик. Сигмону он сразу не понравился – с первого взгляда.

Длинный крючковатый нос хозяина дома указывал точно на курьера, словно маг прицеливался. Сигмон почувствовал себя неуютно и замялся, не зная, что сказать. Пауза затянулась до неприличия, и тогда хозяин первым нарушил молчание.

– Здравствуй, гость, – сказал он. – Что привело тебя ко мне?

– Здравствуй, маг. Я здесь проездом, но у меня есть к тебе разговор.

– Разговор? – Маг вскинул густые брови. – Ну что ж, в таком случае проходи. Нечасто ко мне заходят в гости с разговорами.

Отступив в сторону, маг поманил гостя рукой. Сигмон, на секунду замешкавшись, поднялся по крошащимся каменным ступеням.

– Заходи, – пригласил хозяин, указывая на темный проем. – Позавтракаем. За столом разговаривается лучше всего.

От мага разило потом, луком и грязным бельем. Похоже, он не следил за собой, а позаботиться о нем было некому. Курьер нерешительно глянул на темный проем, – оттуда несло холодом и плесенью, как из склепа, – и подумал, что в другое время он бы и близко не подошел к этому дому.

Маг, видя замешательство гостя, пожал плечами и пошел в темноту. Переступив порог, он щелкнул пальцами – и Сигмон чуть не вскрикнул: в темноте разом зажглись десяток свечей, осветив длинный коридор с множеством дверей.

– Если хочешь поговорить со мной, – тихо произнес маг, – иди следом.

И он пошел вперед, даже не обернувшись, чтобы посмотреть: идет за ним гость или нет. Сигмон сжал зубы и переступил порог, клянясь, что больше никогда не попадет в ловушку голубых глаз. Никогда и никому он не будет ничего обещать ночью, в постели. Никогда.

Коридор оказался длинным и узким, как нора змеи. Сигмон аккуратно ступал по скрипящим доскам, стараясь не упустить из виду сторбленную спину мага. Ему бы не хотелось остаться одному в этом коридоре. Ни за что. За то время, пока они шли, курьер успел покрыться холодным потом: ему чудилось, что в спину кто-то смотрит, а стены коридора медленно сдвигаются, норовя раздавить незваного гостя. Поэтому, когда впереди показалась большая дубовая дверь, Сигмон облегченно вздохнул.

Маг привел его в большую комнату с высоким потолком. В центре расположился длинный дощатый стол. На нем стояли большие бронзовые подсвечники, пара пустых глиняных тарелок, и поэтому курьер решил, что это столовая. Она была под стать дому: в углу зияла черная пасть потухшего камина, узкие окна занавешены тяжелыми лиловыми шторами – старыми, проеденными молью в десятках мест. Осмотревшись, курьер заметил, что на полу кое-где лежит мусор, углы затянуты паутиной, а деревянные шкафчики, расставленные вдоль стен, тронуты плесенью. Он подумал, что дом очень похож на своего хозяина: такой же грязный и запущенный. Похоже, магу все равно, как выглядит и где живет. Наверняка проводит все свое время в библиотеке, роясь в пыльных фолиантах и составляя новые заклинания.

– Садись, – сказал маг, указывая на стул с высокой спинкой, стоявший во главе стола. – Будь моим гостем.

Сигмон послушно уселся на стул. Тот жалобно скрипнул, и курьер замер, опасаясь, что древняя деревяшка рассыплется в прах. Маг достал из шкафчика бутылку вина, два старых серебряных кубка, глиняную тарелку с хлебом и чуть подсохшей ветчиной. Все это он поставил на стол перед Сигмоном, а сам сел рядом.

– Здравствуй, гость, – бросил хозяин, откупоривая бутылку. – Меня зовут Фаомар. Я маг из Вибера, удалившийся на покой. Кто ты такой и какое дело привело тебя ко мне?

– Меня зовут Сигмон ла Тойя, я курьер второго Вентского пехотного полка. Следую в Пасам с поручением.

Представившись, как того требовали правила вежливости, Сигмон замолчал. Не хотелось ему вот так, сразу в лоб, в самом начале разговора, бросать обвинения в колдовстве.

– Служба, значит, – проговорил маг, аккуратно разливая вино по кубкам. – Ну что ж, выпьем за второй пехотный полк.

Вино оказалось хорошим – сладким, выдержанным гернийским. Катая терпкую сладость на языке, Сигмон удивлялся. Он и подумать не мог, что в этом захолустье встречается питье, достойное графского стола. Маг с видимым удовольствием выпил, смакуя каждый глоток, а потом наполнил кубки по новой.

– Итак, – сказал он, – какой разговор у тебя ко мне, Сигмон ла Тойя?

Сигмон сжал кубок, так что тот едва не треснул, и решил: будь что будет. Чем раньше начнется неприятный разговор, тем скорее он закончится.

– Речь о деревне, о Холмовицах.

– Вот как? – нахмурился маг.

– Да. Крестьяне жалуются, что в последнее время вокруг деревни пошаливает нечисть.

– И, конечно, обвиняют в этом меня? Дескать, балуюсь колдовством?

– А это не так? – резко спросил Сигмон.

Маг поставил кубок на стол, поднял взгляд на курьера, и его борода воинственно встопорщилась. Он пожевал губами, причмокнул, но ничего не сказал. Сигмону почудилось, что маг собрался ответить грубостью, но все же сдержался.

– Деревенским мужланам часто мерещится всякая дурь, – произнес наконец Фаомар. – Я этим не занимаюсь. Не мой стиль.

– А как же трупы? Староста говорил, что нечисть убивает крестьян, а это уже не шутки.

– Трупы видели? – перебил маг. – Померли двое мужиков, занедужила корова, скисло молоко, девку обрюхатили... И виновата, разумеется, в этом нечисть, а не пьянство, лень и деревенские лоботрясы.

– Они обычные крестьяне, – вступился за холмовицких Сигмон. – Не пьяницы и не бездельники. Трудолюбивые и работающие, самые обычные мужики.

– Вот именно, – холодно заметил Фаомар. – Обычные деревенские темные мужики. И мне странно, что вы, господин курьер, принимаете их домыслы за чистую монету. К тому же, как мне кажется, не ваше это дело – нечисть по деревням искать. Так?

– Так, – бросил Сигмон сквозь зубы, уязвленный справедливым замечанием. – Но по прибытии в Вент я доложу о том, что здесь творится. В городскую коллегия магов.

Фаомар удивленно вскинул брови и расхохотался. Курьер ожидал, что он разозлится, и даже готовился в случае нужды обнажить клинок. Но смех...

– Милости прошу, – бросил маг, отсмеявшись. – Докладывайте, господин ла Тойя. Прекрасная выйдет шутка. Уверен, вы доставите моим коллегам пару веселых минут.

– И все же, – сказал Сигмон, чувствуя, как у него начинают гореть уши. – Раз вы не причастны к этим событиям, то почему бы вам не разобраться, что происходит в деревне? Вы же маг. Вам это будет легко, не так ли?

– Я ушел на покой, – тихо ответил Фаомар. – Мне нет дела до деревни, Вента и всего королевства в целом. Мне нужен только покой. И даже тут, в этой глуши, я не могу найти его.

– Ничего странного, – заметил курьер. – Здесь не такая уж и глушь.

Фаомар косо глянул на гостя, но ничего не сказал. Взял кубок и отхлебнул вина. Сигмон последовал его примеру, надеясь, что удовольствие от гернийского смягчит горечь разговора.

Скрип половиц застал курьера врасплох. От неожиданности он дернулся, пролил вино и откинулся, нашаривая рукоять сабли... И замер. В дверях стояла женщина – уже не молодая, но еще сохранившая зрелую женскую красоту. Бледность ее лица, которое ничуть не портили высокие скулы, подчеркивали пышные черные волосы, аккуратно завитые по моде десятилетней давности. Ее большие темные глаза были чуть прикрыты, словно дама из вежливости не решалась смотреть прямо на гостя. Длинное платье, явно сшитое хорошим портным, хоть и вышло из моды, но смотрелось замечательно – подчеркивало все достоинства ее фигуры.

– Фимель, – тихо сказал маг и взглянул на Сигмона. – Моя жена.

Сигмон неловко поднялся, едва не опрокинув стул, и поклонился. Он никак не ожидал встретить тут женщину и был поражен. Он думал, что ни дом, ни его хозяин давно не ощущали женской заботы. Но ему пришлось удивиться еще больше, когда из-за спины Фимель показалась черноволосая девушка лет восемнадцати. На щеках играл румянец, черные волосы ниспадали шелковистым водопадом на плечи, высокую грудь... Девушка смотрелась намного лучше, выглядела живее, да и платье у нее было значительно откровенней.

– Это Лаури, моя дочь, – сказал маг, и Сигмон, онемевший от изумления, снова поклонился.

Лаури очень напоминала мать, казалась ее молодой копией. Те же черты лица, та же линия плеч... Вот только темно-карие, почти черные, глаза, похоже, достались ей от отца.

Девушка обожгла Сигмона таким взглядом, что ему стало не по себе. В глазах Ишки он сразу прочитал интерес, приязнь, а чуть позже – желание. А в этом взгляде не было ничего, кроме холодного интереса. Лаури рассматривала гостя так, словно он забавное животное. И Сигмону это не понравилось. Он бы предпочел, чтобы дочь мага смотрела на него так же, как дочь старосты.

– Лаури, Фимель, – сказал маг. – У меня гость. Поднимитесь наверх.

Мать и дочь послушно развернулись и вышли из комнаты, не сказав ни слова. Сигмон перевел дух, сел на стул, нашарил кубок с вином и сделал большой глоток. Ему вдруг захотелось обратно в деревню, к тем самым «темным» мужикам. На солнышко.

– Ну что ж, господин курьер, – промолвил маг, поднимая свою кружку. – Думаю, вы сказали все, что хотели, и готовы продолжить свой путь.

– Да. Безусловно, – отозвался Сигмон и одним глотком допил вино.

Намек мага он понял сразу и даже обрадовался ему. Сигмону не терпелось побыстрее покинуть это странное место, он был по горло сыт и магом, и его домом. Поэтому, поставив кубок, он сразу встал, отвесил хозяину поклон и вышел в коридор.

Здесь он на секунду замешкался. В воздухе разлился странный аромат, напоминавший запах увядшей сирени. Именно увядшей. Сигмон сразу подумал, что это духи Лаури. Такой запах подошел бы дочери, но не матери. Слишком игривый и фривольный, чтобы его «носила» замужняя женщина. Но его нельзя было назвать приятным. Необычным, интригующим – да. Приятным – нет.

Из дома мага он вышел нарочито медленно, показывая, что ничего не боится, и вразвалочку пошел к диким яблоням. Пройдя мимо деревьев и добравшись до разросшихся кустов, Сигмон воровато оглянулся и пустился бегом к воротам. Бормоча проклятия, он с разбега перемахнул через забор и прижался к Урагану. Оглянувшись, курьер окинул взглядом неухоженный сад, темный провал двери и дал себе слово, что, вернувшись в город, обязательно зайдет в городскую коллегию магов. Что бы там ни говорил Фаомар, непременно зайдет.

Урагана даже не пришлось прищипоривать. Конь с места рванул в галоп, стремясь, как и хозяин, как можно быстрее убраться прочь от странного дома.

* * *

Полуденное солнце заливало дворы яркими лучами, припекало, но уже не жгло. Все же осень не за горами. Сигмон был этому только рад, – проезжая по опустевшей улице он нежился в солнечном свете, подставлял горячим лучам лицо в надежде, что они изгонят из тела и души неприятный холодок, оставшийся после посещения дома колдуна.

От свежего воздуха и тепла он разомлел и потому не торопился. Но все же, когда впереди показались знакомые ворота, Сигмон подхлестнул жеребца, надеясь, что староста не ушел на поля и дожидается гостя. Потгон действительно его ждал, хоть и не сидел без дела – поправлял покосившийся забор.

Завидев курьера, староста вышел к воротам. Сигмон бросил ему поводья, спешился и, не говоря ни слова, пошел прямо к колодцу, примостившемуся недалеко от дома. Набрав холодной как лед воды, он вволю напился, а потом окунул голову в ведро. Староста тем временем увел разгоряченного Урагана в сарай, служивший конюшней. Вернувшись, он встал за спиной гостя, наблюдая, как тот плещет себе в лицо водой.

– Ну, как?

Сигмон снова окунул голову в ведро. От визита к магу в душе остался неприятный осадок, как от неудачного свидания. Сигмону чудилось, что он пропитался сыростью и затхло-

стью, царившими в старом доме. Ощущение было на редкость неприятным, и курьер хотел избавиться от него. Холодная вода, увы, мало помогала.

– Поговорили, – бросил он старосте, утирая рукавом мокрое лицо.

– Прошу к столу. Перекусим, господин военный. За едой и расскажете, что да как.

Сигмон не стал отказываться, дорога его утомила, а завтрак, казавшийся таким обильным, таинственным образом полностью растворился в желудке.

Угощение, как и в прошлый раз, было простым, но сытным. К колбасе, овощам и каше добавился домашний рассыпчатый сыр и отменная похлебка из бобов, щедро заправленная обжаренным салом. Ишки и ее матери дома не было: Поттон сказал, что они ушли на поля и вернутся только к вечеру. «К счастью, – подумал курьер, – они успели приготовить обед».

За едой он рассказал старосте о встрече с магом. Поттон слушал внимательно, не перебивал. Курьер не стал дословно пересказывать разговор, лишь в общих чертах поведал, о чем шла речь. Описывая мага, он понял, что уже не верит в его невиновность. Фаомар оказался подозрительным и на редкость неприятным типом. И если еще утром Сигмон был уверен в том, что маг-отшельник не имеет отношения к таинственным событиям в деревне, то сейчас он бы за это не поручился.

Поттон остался доволен его рассказом. Особенно его обрадовало обещание курьера зайти в городскую коллегияу магов Вента и доложить о подозрительном отшельнике. Староста разом подобрел, поблагодарил Сигмона за заботу, вышел из-за стола и исчез в сених. Курьер, удивленный поведением хозяина, пожал плечами и принялся за колбасу. Староста вернулся быстро, и тут же стала ясна причина его отлучки, – в руках он нес большую бутылку с мутной жидкостью, извлеченную, видимо, из тайника. Сигмон вздохнул. С деревенским самогоном он уже встречался, знал, что это такое, и представлял себе последствия. Впрочем, тут же решил, что один стаканчик не повредит – исключительно для того, чтобы смыть мерзкий привкус затхло-сти во рту.

Они со старостой опрокинули по стаканчику – за успешное завершение дела. Закусив колбасой и поговорив о трудной доле служивого человека, выпили по второму. Третий тоже не заставил себя долго ждать.

Когда бутылка опустела, Сигмону стало все равно – какие маги, где живут и чем занимаются. Хотелось только одного – спать. Сытный обед, усталость и деревенский самогон заставили Сигмона уронить голову на скрещенные руки. Поттон покачал головой, уложил курьера на лавку и сунул ему под голову подушку, набитую лучшим утиным пухом. После чего допил стопку гостя, которую тот так и не одолел, и отправился чинить забор.

Проснулся Сигмон вечером, когда крестьяне стали возвращаться с полей. Пастухи гнали домой скотину, и деревня наполнилась мычанием и блеяньем. Солнышко покатилося в лес, в воздухе повисла прохлада, и деревня разом ожила.

Разминая затекшую спину, Сигмон с ужасом подумал о том, что ему придется провести вечер и часть ночи в седле. К счастью, голова не болела – самогон оказался отменным, да и хорошая закуска тоже помогла. Единственным последствием «угощения» стал приступ необоримой лени. Сигмон сидел на лавке, смотрел на стол и думал, что ему совершенно не хочется уезжать из деревни. По крайней мере, сегодня. Конечно, надо торопиться в Пасам, но ведь у него оставался в запасе целый день. В конце концов, днем раньше, днем позже – какая разница? Никто не оценит его усердия, не стоит себя обманывать. Лишь бы уложиться в отпущенный срок.

Уговорить самого себя Сигмон не успел – дверь распахнулась, и в комнату вошли староста, его жена и дочь. Сразу стало шумно. Увидев, что гость проснулся, хозяева засуетились: Ишка и Мариша стали собирать на стол, староста начал уговаривать гостя остаться ночевать. Сигмон вяло сопротивлялся, отговариваясь, что ему пора в дорогу, что его ждут в Пасаме и что он на службе. Староста, чуя слабинку, не отставал – напирал на то, что негоже ночью сло-

няться по пустынным дорогам, что долг хозяина велит ему не отпускать гостя, и все прочее в том же духе.

Дело решил быстрый взгляд Ишки, брошенный на Сигмона. Заглянув в ее голубые глаза, курьер понял, что сегодня уже никуда не поедет. Он будет вновь ночевать на сеновале, и пусть тот Пасам горит огнем.

Курьер, с деланным вздохом, поддался уговорам Поттона и объявил, что остается. Тут, как по заказу, подоспел ужин, и за стол на этот раз сели все вместе. За едой Сигмон вновь пересказал историю встречи с магом и был вознагражден восхищенным взглядом синих глаз. Приободрившись, он припомнил пару историй из кадетской жизни, и разговор продолжился. Староста принес еще одну бутылку самогона, и ужин удался на славу.

На этот раз Сигмон выпил немного – всего одну стопочку и то больше для вида. Он надеялся, что ночью ему спать не придется, и потому особенно не налегал ни на еду, ни на выпивку. Когда солнце нырнуло в лес, он объявил, что отправляется спать, потому как завтра рано вставать, и встретил полное понимание. Поднявшись, он пошел к дверям и по дороге подмигнул Ишке. Та улыбнулась в ответ, и Сигмон понял, что остался не зря.

Удобно устроившись в мягком сене, он откинулся на спину и стал ждать. Сигмон понимал, что придется немного посидеть в одиночестве – староста и его жена должны были уснуть. Но он был к этому готов. Рассматривая щели в потолке, курьер снова порадовался, что выбрал такую прекрасную жизнь: путешествия, приключения и служба в армии с возможностью сделать карьеру. И первое самостоятельное задание выдалось на редкость удачным. Будет о чем рассказать друзьям, будет чем похвастать. Сигмон представил, какое лицо будет у Трегара, записного бабника, когда он опишет ему Ишку. И как скривится Перро, когда услышит, что его друг ходил в дом сумасшедшего мага. Перро ведь и обычных магов, городских, до смерти боится. Ведь и не поверят, пожалуй.

На деревню опустилась ночь, и Сигмон ла Тойя, курьер на испытании, незаметно задремал, убаюканный размеренным сопением лошадей и пряным запахом сена.

* * *

Разбудил его громкий звук. Подхватившись, он рывком сел и прислушался, пытаясь понять, что это – обрывок сна или реальность. Напряженно вслушиваясь в ночь, Сигмон ругал себя за беспечность. Как он мог уснуть! Оставалось надеяться, что Ишка еще не приходила. Она ведь могла обидеться на незадачливого кавалера и уйти.

Ночь выдалась тихая. Сигмон слышал, как настырно звенят комары, как тяжело сопят лошади – его Ураган и пожилая доходяга старосты. Где-то далеко квохтали разбуженные куры, и тихо, больше для порядка, переругивались две собаки. В остальном все было как всегда. Похоже, кому-то приснился страшный сон, только и всего. Расслабившись, Сигмон повалился в сено, и тут же тишину взорвал крик ужаса.

Курьер подпрыгнул, вскочил на ноги и стал лихорадочно шарить по сену, разыскивая сапоги. Крик повторился, и он разобрал, что кричит женщина – страшно, надрывно, ужасаясь тому, что увидела.

Хлопнула дверь дома, и Сигмон услышал, как Поттон бранится в полный голос. Дверь распахнулась, и в сарай влетел староста – в белой домотканой рубашке до колен, с факелом в руках. Он вскинул руку, освещая сарай, и бросил на курьера полный безумия взгляд. И тут же, ничего не сказав, бросился прочь.

– Поттон! – крикнул Сигмон, пытаясь натянуть сапоги. – Поттон!

Снова закричали – где-то недалеко, за домами, – и тут же забранились хором, на несколько голосов. Собаки подняли лай, и деревенская ночь разом наполнилась шумом и гамом.

Сигмон, бросив сапоги, выскочил из сарая и увидел, как за овином пляшет свет факела. Он бросился следом, заметив краем глаза, что на порог дома вышла Мариша – жена старосты. Курьер пробежал мимо, свернул за овин и увидел, как староста, размахивая факелом, бежит по огородам к соседнему дому. Сигмон, не раздумывая, бросился за ним.

Поттон бежал быстро, и длинноногий курьер едва поспевал за ним. У покосившегося плетня, разделявшего огороды, Сигмон все-таки догнал старосту. Тот замешкался, перебираясь через плетень, запутался в своей рубахе и чуть не упал. Сигмон успел подхватить его и помог перелезть через захрустевшие прутья. Староста, не обратив внимания на помощь, вырвался из рук курьера и побежал по тропинке, ведущей в лес. Туда, откуда доносились голоса крестьян. Сигмон бросился следом, тяжело шлепая босыми ногами по мокрой от росы земле.

Сразу за огородами начинался лес. Тропинка вела в самую чащу, но староста не остановился, побежал еще быстрее, и белое пятно его рубахи заметалось между черными стволами. Сигмон, бежавший следом, потерял тропинку и бросился напрямик, следом за Поттоном. Прикрыв голову руками, курьер с разбега проломился сквозь кусты и выскочил на большую поляну.

В центре стояли деревенские – человек десять, не меньше. Они ожесточенно ругались, кричали друг на друга, размахивали руками. В пляшущем свете факелов разлапистые деревья казались ожившими чудовищами.

Староста бросился к толпе, чуть не сшиб крайнего, и люди расступились, пропуская его в круг. Запыхавшийся Сигмон перешел на шаг, и в этот момент Поттон закричал. Тяжело, с надрывом и отчаянием, как смертельно раненный зверь. Курьера бросило в жар. Он прыгнул вперед, оттолкнул человека с факелом и прорвался внутрь круга.

Там, на траве, лежала девушка. Староста склонился над ней, обнял за плечи, закрывая от Сигмона лицо, зашелся криком. Курьер, еще не веря, бросился вперед, упал на колени, оттер плечом старосту...

Это была Ишка. Она лежала на спине, раскинув руки, и ее распущенные волосы стелились по траве как светлое покрывало. Дрожащими пальцами Сигмон коснулся ее щеки и тут же отдернул руку. Щека была холодной как лед.

Очнувшийся староста взревел и двумя руками толкнул курьера в грудь, и тот повалился на спину.

– Ты! – закричал Поттон. – Ты!

– Это, – прошептал Сигмон, поднимаясь, – это....

– Из-за тебя! – крикнул староста. – Все из-за тебя!

Он коротко размахнулся и отвесил Сигмону звонкую оплеуху. От удара курьер откинулся назад и снова упал на спину. Поттон полез вперед, прямо через тело дочери, попытался ударить еще раз, но на него тут же навалились мужики и оттащили в сторону.

Сигмон приподнялся и подполз к Ишке. Ее лицо, казавшееся в свете полной луны белым, как мрамор, оставалось спокойным, как будто она спала. Вот только ее открытые глаза смотрели вверх, в ночное небо, на верхушки качающихся деревьев. Дрожащими пальцами курьер провел по холодной щеке Ишки. Мертва. И давно. Никаких ран на теле не было, и Сигмон откинул ворот ее рубахи. И тут же увидел на шее девушки две раны – словно кто-то ткнул ее новомодной вилкой. Или укусил.

– Нечисть, – прошептал Сигмон.

Мужики, стоявшие за его спиной, зашумели, браня нечисть, колдуна и все волшебство разом. Они кричали, что отомстят, звали соседей подняться и пойти сжечь гнездо колдуна, вытравить эту пакость с родной земли. Они заглушили даже Поттона, вывшего от горя и отчаяния. Но Сигмон их не слышал. Он гладил холодную щеку Ишки, чувствуя, как из глаз медленно катятся слезы. Фаомар. Проклятый колдун. Неужели он посмел прийти следом за ним в деревню и убить Ишку? Так нагло, открыто, насмехаясь над деревенскими... Зачем?

– Солдатик... Эй, солдатик...

– Что? – Сигмон почувствовал на плече ладонь и обернулся.

Над ним склонился дед с растрепанной седой бородой, одетый только в тканые порты.

– Слышь, солдатик, шел бы ты отсюда. Вона Поттон не в себе, обезумел вконец. Все до тебя рвется. Его уж не успокоишь. Да и мужики распалились, сами себя поджуживают.

– Зачем? – спросил Сигмон, отворачиваясь и снова касаясь холодной щеки Ишки.

– Что?

– Зачем она сюда пошла?

– Известно зачем. Травки тут нужные. Любят бабы эти травки заваривать, особо перед тем, как с мужиком побаловаться. Так что шел бы ты, солдатик, в деревню-то.

– Да, – прошептал Сигмон. – Конечно.

Он уже начал подниматься с колен, как вдруг почувствовал знакомый запах. Резко наклонившись, он припал носом к шее Ишки, как дикий зверь, выслеживающий добычу. Кожа пахла сиренью. Увядшей, с гнильцой, словно цветы постояли на солнце целый день, а то и два.

– Ты что, служивый! Очнись! Эй, солдатик!

Сигмон поднялся на ноги, выпрямился, сжимая кулаки. У него закружилась голова, и он сжал зубы, сдерживая крик.

– Лаури, – процедил он, чувствуя, как в груди становится горячо. – Лаури.

– Чего? – переспросил дед, отодвигаясь в сторону.

– Ничего, – резко бросил Сигмон.

Он развернулся и пошел в темноту – к деревне. Сжимая до боли кулаки, он думал о том, что никуда мужики не пойдут – слаба кишка у них, ночью на колдунов-то ходить. Пошумят, покричат и разойдутся. А завтра еще одно письмо в Меран напишут. Городскому главе. Но он – Сигмон ла Тойя, курьер второго Вентского пехотного полка, – пойдет. Он не деревенский мужик – солдат. Он наследственный тан и не может оставить это дело – дело чести. Курьер чувствовал, что не найдет покоя, пока не прикончит нечисть, сгубившую доверчивую, слабую деревенскую девчонку, у которой впереди была вся жизнь. И заодно он прикончит одного лживого старого колдуна, посмевавшегося называться магом. Обязательно прикончит.

Перемахнув через покосившийся плетень, Сигмон больно ударился ногой о камень, но не обратил на это внимания. Он побежал по огороду, спотыкаясь в темноте о грядки, наступая на колючую ботву, но не замечал этого. Сейчас он жаждал одного – рвать на части, рубить, грызть зубами... Того, кто причинил ему боль.

Пробегая мимо дома старосты, он заметил Маришу. Она сидела на крыльце в одной ночной рубахе, обхватив колени руками, и тихо всхлипывала. Ее плечи вздрагивали, и Сигмон понял, что она плачет. Она уже знала. Все знала – догадалась или почувствовала...

Сигмон остановился, хотел подойти к ней, но так и не решился. Тогда он крепче сжал кулаки, так, что хрустнули костяшки, и зашагал к сараю. Туда, где его ждал Ураган.

* * *

Луна заливала сад мертвенной бледностью, превращая его в путаницу изломанных теней. Белое и черное – лишь два цвета остались в этом саду, превратив его в царство смерти. Сейчас он был похож на болото, мертвое и пустое, пугающее гробовым молчанием.

Сигмон, продиравшийся сквозь заросли кустов, не боялся. Гнев наполнял его уверенностью и злобой. Еще никогда ему не делали так больно, как сегодня. И он хотел вернуть эту боль тому, кто ее причинил. Вернуть с лихвой, как возвращает долг ростовщику сиятельный граф, презирающий мелочность.

Подбежав к ступенькам, ведущим на крыльцо, Сигмон обнажил саблю. Тонкая, чуть изогнутая, без гарды, казавшаяся в темноте простой палкой, она осталась его единственной подругой. Ею неудобно фехтовать, ею нужно рубить с седла, наотмашь, с оттяжкой, от плеча до

пах... Это оружие кавалериста, но сейчас Сигмону было все равно, что у него в руке. Главное, что это оружие. Он и не собирался фехтовать, собирался рубить – наотмашь, с оттяжкой, пластая ломтями чужую плоть.

На медной ручке двери играл лунный отблеск. Сигмон толкнул ее, потянул на себя – напрасно. Дверь оказалась заперта.

– Фаомар! – закричал Сигмон. – Фаомар!

Никто не ответил. Дом возвышался молчаливой громадой: ни огонька в окне, ни шороха. Только темнота и запах плесени.

Сигмон ударил в дверь ногой, она вздрогнула, но не поддалась. Глухой звук удара сразу утих, потерялся в доме, завяз в наполнявшей его тьме. Курьер зарычал, отступил на шаг и бросился на дверь, ударил плечом. Потом еще и еще. На третий раз дерево уступило натиску: с жалобным хрустом дверь сорвалась с петель и с грохотом обрушилась в темноту. Сигмон прислушался. Никого. Пусто. Никто не спешит ему навстречу. Тогда он переступил порог все еще молчавшего дома.

Осторожно ступая по темному коридору, он держал саблю перед собой, выставив руку вперед. Сигмон был готов в любой момент нанести удар: разрубить любое существо, что посмеет встать на его пути. Но дом по-прежнему молчал.

Тьма. Самая настоящая тьма, густая как студень, липкая, склизкая, пахнущая страхом. Она окружала со всех сторон, мешала дышать, лезла в ноздри, в рот, в глаза... Сделав несколько шагов в глубь дома, Сигмон совершенно потерялся. Было настолько темно, что ему на секунду показалось, что он ослеп. Курьер тут же пожалел, что не захватил с собой факел или хотя бы свечу, но сокращаться было поздно. Оставалось лишь идти дальше – возвращаться он не собирался.

Слушая гулкие удары сердца, Сигмон шагал вперед, водя перед собой клинком. Он помнил, что коридор длинный, и поэтому шел без опаски, стараясь не сворачивать, чтобы не заблудиться в темноте и не войти случайно в открытую дверь.

Но на десятом шагу он испугался. Со всех сторон его окружала темнота и пустота, реальным был только пол под ногами. Курьер остановился, чувствуя, как его начинает тошнить. Вроде бы коридор не настолько велик, он должен давно кончиться – обычной деревянной дверью. Сигмон взмахнул саблей – направо, потом налево... Ничего. Пусто. Показалось, что он стоит посреди огромной темной пещеры и что никакого коридора на самом деле нет. Есть только ненасытная утроба дома колдуна, готовая поглотить незваного гостя, растворить в себе, размазать тонким слоем по стенкам каменного желудка...

Стало жарко. Капля пота шустрым клопом пробежалась меж лопаток, скользнула на поясницу и спряталась в штанах. Сигмон застонал и отступил на шаг, чувствуя, как дрожат ноги. Страх пробирал до самых печенок, заставлял судорожно всхлипывать и молить о пощаде. Нельзя. Если сейчас повернуть, броситься наутек, сломя голову, без памяти... Нет. Невозможно.

Сжав зубы, Сигмон нерешительно шагнул вперед, опасаясь, не исчез ли пол. Под ногами по-прежнему был камень, твердый и холодный как лед. Тогда Сигмон взмахнул клинком, и снова – ничего. У него вдруг закружилась голова, словно он стоял на тоненькой дощечке, перекинутой через бездонную пропасть. Курьер покачнулся и застыл на месте, боясь пошевелиться. Стараясь сохранить равновесие, он взмахнул руками, как заправский акробат, глубоко вздохнул и почуял запах сирени. Тот самый мерзкий запах, что намертво въелся в его память. Тотчас горячая волна крови ударила в макушку, в ушах загудело, и виски отозвались болью. В темноте проступил светлый силуэт девушки с длинными светлыми волосами... Проступил – и тут же исчез, словно его никогда и не было. Сигмон, не помня себя от гнева, шагнул вперед, притопнул ногой, выругался, а потом пошел дальше, наплевав на все страхи. На пятом шаге сабля с глухим стуком воткнулась в дерево.

Он подошел ближе, протянул руку и нащупал дверную ручку. Тут же все стало на свои места, наваждение отступило, и он понял, что коридор кончился. Не было никакой пропасти, никакой ненасытной утробы и огромной пещеры. Был только его страх.

От удара ноги дверь распахнулась, соскочила с верхней петли и рухнула плашмя на пол, взметнув облако пыли. В лицо плеснулся свет, и Сигмон прищурился. Прикрыв ладонью глаза, он вошел в свет и оказался в той самой комнате, где еще утром беседовал с колдуном. На обеденном столе стояли два огромных бронзовых подсвечника с зажженными свечами. После кромешной тьмы, царившей в коридоре, их свет казался ослепительным. Все еще шурясь, Сигмон подошел к столу и огляделся. В комнате никого не было, нужно идти дальше, но снова лезть в темноту, блуждать наугад по коридорам не хотелось. Он опустил клинок, размышляя, что будет лучше взять с собой свечу или сделать из штор факел.

– Стой!

Глухой голос пришел из-за спины. Не раздумывая, Сигмон перемахнул через стол и вернулся, выставив вперед саблю, готовясь рубить и колоть... Но в комнате было по-прежнему пусто.

– Зачем ты пришел?

– Выходи! – крикнул ла Тойя, узнав голос Фаомара. – Выходи, колдун!

Голос мага шел от дверного проема, из темноты, и Сигмон догадался, что хозяин стоит в коридоре. Он быстро оглядел стол, но ничего такого, чем можно было бы запустить в колдуна, не нашел. Разве что тяжелый бронзовый подсвечник... Но чтобы его взять, надо опустить клинок, а этого Сигмону делать не хотелось.

Темнота за дверью загустела, всколыхнулась, как занавес, и выплонула колдуна в комнату. Он вышел вперед, и под его взглядом Сигмон попятился.

– Сигмон ла Тойя, курьер второго пехотного полка, – тихо произнес Фаомар. – Зачем ты вернулся? Зачем проник в мой дом под покровом ночи, как вор?

– Я хотел тебя видеть, – ответил курьер, примеряясь, как ловчее перескочить через стол и хватануть мага саблей.

– Чтобы поговорить?

– Поговорить? – вскинулся Сигмон. – О, нет. На этот раз нет!

– Стой! – крикнул маг, заметив, что гость оперся рукой о стол. – Не шевелись! Иначе я развею твой пепел по всему дому.

Сигмон увидел, как ладони колдуна едва заметно засветились, и замер. Он с досадой подумал, что до Фаомара слишком далеко. Чтобы достать его клинком, надо подобраться ближе, намного ближе.

– Ты возбужден, – отметил маг. – Что-то случилось?

Сигмон выпрямился и опустил саблю. Колдун должен думать, что ему ничего не угрожает. Быть может, тогда он расслабится, потеряет бдительность... А Сигмону будет достаточно только одного удара – наискось от плеча к бедру, выжимая кистью рукоять...

– Стучилось, – ответил он магу. – Ты спрашивал меня, видел ли я трупы крестьян? Теперь видел.

– Трупы?

– Один. Но этого достаточно. Молодая девушка, дочь старосты. Она лежала на поляне, белая и холодная, как мрамор. Я подумал, что это просто свет луны, но нет – в ней не было ни кровинки. На шее – две дыры, как от укуса. Укуса дикой твари, нечисти, которую ты породил!

Колдун нахмурился и опустил руки. Сияние ладоней померкло, и Сигмон осмелился сделать пару шагов вдоль стола.

– Я тут ни при чем, – глухо сказал маг. – Мне нет дела до деревенских.

– Конечно, ни при чем, – легко согласился Сигмон, делая еще один шаг. – Это твоя дочь.

– Дочь? – удивился Фаомар, и его брови седыми бабочкам вспорхнули вверх. – Да ты спятил, солдат!

– От убитой девушки пахло сиренью. Сгнившей сиренью, так же как пахнет от твоей дочери. Не смей отрицать!

– Замри! – крикнул колдун и вскинул руку. Кончики его пальцев тлели, как угольки костра, и Сигмон остановился. Он почти обошел стол, ему оставалось еще пара шагов, и можно будет в прыжке дотянуться до колдуна. Выпад. Всего один выпад, быстрый, точный, смертельный.

– Моя дочь не имеет к этому отношения, – сказал Фаомар. – Ты не знаешь, о чем говоришь.

– Но запах...

– Тебе показалось.

– Не лги мне, я узнаю его из тысячи запахов!

– Не двигайся, кому сказано! Замри на месте, если не хочешь распрощаться с жизнью.

– Фаомар!

– Постой, – сказал маг и отступил на шаг. – Я вижу, ты веришь в то, что говоришь. Но ты заблуждаешься. Ни я, ни моя дочь тут ни при чем. Я не хочу напрасных жертв. Так что стой спокойно.

– Ты врешь!

– Тише, сопляк, поумерь пыл. Ты сам не знаешь, о чем говоришь.

– Я знаю достаточно, чтобы потребовать у коллегии магов забрать тебя на трибунал. Тебя выкурят из этого дома, как выкуривают лисицу из норы, и потащат в Вент на цепях!

– Проклятие, – зло бросил маг. – Надо было сразу тебя спалить, а пепел рассыпать по саду. Тот давно нуждается в удобрениях.

– Ну, давай, жги! Чего же ты ждешь?!

– Заткнись! Стой на месте. Я не колдун, я не использую магию во зло. Поэтому и не убиваю тебя, хотя мог это сделать тысячу раз. Хорошо, Сигмон ла Тойя, я дам тебе объяснения. Но только если ты будешь стоять спокойно. Хоть я и ценю любую жизнь, но свою – больше других.

– Давай, давай, – бросил Сигмон, сжимая холодную рукоять. – Я жду.

Он действительно ждал. До колдуна было довольно далеко, и любая задержка была полезна. Сигмон надеялся, что, пока колдун будет оправдываться, он сможет продвинуться вперед.

Но Фаомар поднял вторую руку и звонко щелкнул пальцами. Темнота в дверном проеме заволновалась, зарябила. Сигмон невольно попятился, ему померещилось, что в темноте ворочается что-то большое и страшное. Он вскинул саблю, но тут же в комнату вошли жена и дочь мага. Одеты они были так же, как и днем, словно и не ложились спать. И по-прежнему мать смотрелась бледным подобием своей дочери. Она походила на потускневший портрет, написанный в незапамятные времена учеником художника. А вот Лаури выглядела намного лучше. На ее щеках играл румянец, а губы, алые и пухлые, улыбались.

– Послушай меня, – сказал маг, не обращая внимания на женщин. – Пятнадцать лет назад мы жили в Мибере. В то время я был членом городской коллегии магов и честно служил короне. Но однажды... Однажды мне пришлось сражаться с озверевшей толпой, поднявшей бунт. Глава городского совета, граф Сиверин, потерял всякую совесть. Он спустил казенные деньги на постройку загородного дворца, потом взвинтил налоги... Впрочем, это неважно. Чернь волной прокатилась по городу, сметая все на своем пути. Они жгли дома – все подряд, разоряли лавки, грабили, насиловали... Толпа обезумела. Мы всей коллегией защищали магистрат. Наша сила остановила толпу, и мы сдерживали ее натиск два дня. Потом подросли сол-

даты, бунт усмирили. Сиверина заковали в цепи и увезли в Вент. Все успокоилось. Но когда я вернулся домой...

Маг замолчал и подошел к столу. Сигмон шарахнулся назад, отскочил к стене и выставил саблю перед собой, но Фаомар не обратил на это внимания. Он оперся руками о дубовую столешницу и взглянул курьеру прямо в глаза.

– Они были мертвы, – с горечью сказал маг. – Мертвы. Чернь разгромила мой дом, пока я защищал город.

Глаза Фаомара наполнились злобой и болью. Его взгляд внушал страх, казалось, на Сигмона смотрит не старик, живущий в заброшенном доме, а молодой воин, готовый броситься в бой. Сигмон вжался спиной в стену и поднял клинок на уровень глаз, желая защититься от страшного взгляда.

Это помогло. Маг неожиданно опустил глаза, и курьер облегченно перевел дух.

– Нежить, – прошептал он. – Ты поднял их из могилы? Что ты натворил, колдун?

Фаомар не ответил, лишь покачал опущенной головой. Потом вдруг схватил со стола подсвечник, развернулся и запустил им в жену. Сигмон вскрикнул, но тяжелый кусок бронзы пролетел сквозь Фимель и канул в темноту коридора. Женщина не вздрогнула, не отстранилась. У нее даже не изменилось выражение лица.

– Это фантомы, – бросил маг, поворачиваясь к курьеру. – Иллюзии. Десять лет я потратил на то, чтобы придать форму своим воспоминаниям. Они могут говорить, но они неразумны. Эти слова вложил в них я. У них нет своего сознания. Ты их видишь, но они бесплотны и не способны взять в руки даже ложку. И уж тем более не могут коснуться человека.

– Это, – прошептал курьер, – это...

– Это просто картинки, – закончил маг. – Портреты.

Он снова повернулся к Сигмону и смерил его взглядом. Потом щелкнул пальцами, и фигуры женщин исчезли. Они просто растаяли в воздухе без следа, как тает утренняя дымка под лучами солнца.

– Десять лет я живу в этом доме, – глухо сказал Фаомар. – И они живут вместе со мной, создавая видимость обычной жизни. И я очень не люблю, когда мне напоминают, что это иллюзия. Понимаешь, курьер?

Сигмон заглянул в черные глаза мага, и его рука, сжимавшая рукоять сабли, задрожала. В глазах Фаомара плескалось безумие. Похоже, он так и не оправился от удара судьбы, а жизнь рядом с фантомами лишь сильнее расстроила рассудок.

– Я никому не рассказывал эту историю, – продолжал маг. – Мне слишком больно говорить об этом. Надеюсь, теперь ты понял, что ошибался. Ступай своей дорогой, курьер, и оставь в покое меня и мою семью.

Сигмон не ответил. Перед ним тоже стоял фантом, но видел его только он. Молодая девушка с васильковыми глазами и пшеничными прядями волос. Она улыбалась Сигмону, звала к себе... А на шее у нее красовались две раны, истекавшие черной кровью. Курьер сглотнул и помотал головой, отгоняя видение.

– Лаури, – бросил он. – Ты не проверил Лаури. Позови свою дочь, колдун!

– Что? – свистящим шепотом осведомился Фаомар. – Что ты сказал?

– Твоя дочь! – выкрикнул Сигмон. – Это она! От нее пахнет сиренью. Даже сейчас я чувствую этот запах. Проклятие, позови ее, я хочу с ней говорить!

– Не забывайся, сопляк, – резко сказал маг. – Я и так слишком много поведал тебе. Проваливай отсюда, пока я не раскаялся в том, что сделал.

Теперь они стояли друг напротив друга, их разделял лишь стол. Сигмон мог легко дотянуться мечом до колдуна, но тот сверлил его таким пристальным взглядом, что курьер не надеялся на то, что успеет нанести удар. Колдун определенно спятил, и в другое время курьер сбежал бы прочь из этого дома, без оглядки, как убегают от верной смерти. Но сейчас он не мог

отступить. Его пальцы еще помнили холод кожи Ишки, а в жилах кипел гнев. Сигмон ла Тойя, курьер второго пехотного полка, не желал отступать.

– Позови ее, – потребовал он. – Позови! А не то...

– А не то – что? – переспросил Фаомар, и в его глазах отразилось пламя свечей. – А не то ты позовешь сюда толпу крестьян, вооруженных вилами и факелами? Это многоглавое орущее чудовище, лишенное разума, которое уже один раз растерзало мою дочь? Так?

Маг вскинул руку, и Сигмон взмахнул мечом, выплескивая все напряжение, скопившееся за эту безумную ночь в его теле. Рука распрямилась, как атакующая змея, нанося смертельный удар... И все же он промахнулся.

Фаомар отшатнулся в сторону, и клинок рассек лишь воздух. Сигмон прыгнул на стол, попытался зацепить мага ногой, но тот ловко ухватил курьера за сапог. Сигмон упал со стола, кувыркнулся через голову и вскочил на ноги. Разворачиваясь, он вскинул меч для нового удара, но, получив удар в грудь, такой, что захрустели ребра, влетел спиной в деревянный шкаф. Тот разлетелся в щепки, и на курьера градом посыпалась фарфоровая посуда. От удара перехватило дыхание, помутнело в глазах, и Сигмон тяжело осел на пол.

Маг стоял у стола, вытянув вперед руку и указывая на курьера длинным тонким пальцем. Его глаза пылали, как раскаленные угли, а растрепанные волосы стояли дыбом, как шерсть на загривке озлобленной собаки. Сигмон застонал и попытался поднять саблю, чтобы опять защититься от страшного взгляда, но рука дрогнула и не подчинилась.

– Будь ты проклят за то, что напомнил о моей боли, – процедил колдун. – Надо было сразу так поступить. Да, именно так.

Сигмон попытался встать, но тело не слушалось. Ноги не шевелились, а руки только вздрагивали.

– Иди сюда, – велел маг и сжал руку в кулак.

Тотчас незримая сила потащила курьера по полу, волоком, как мешок с зерном. Он чувствовал, как сила Фаомара сжимается вокруг него, давит на грудь кузнечным прессом, мешая дышать. Сигмон захрипел.

Остановился он у самых ног колдуна. Тот наклонился над пленником, откинул седую прядь.

– Все вы одинаковы, – бросил он прямо в лицо Сигмону. – Вы все одержимы жаждой убийства. Но я не такой, нет. Я не буду отнимать твою никчемную жизнь. Ты послужишь науке. Великой науке магии, о которой такие, как ты, не имеют ни малейшего представления...

Сигмон снова захрипел, чувствуя, как от ужаса останавливается сердце, но не смог даже закричать. Маг распрямился, шагнул в сторону, и Сигмона снова потащило по полу. Он следовал за колдуном, словно тот волок его на веревке – на невидимой веревке, что крепче стальной цепи. Парализованный курьер видел лишь темный потолок, но не сомневался, что его тащат в подвал. Он кричал от ужаса, но горло издавало лишь жалкий хрип. Ужас нахлынул с новой силой, сковывая движения надежней заклятий. Подвал колдуна! Нет, лучше смерть. Сигмон страстно желал смерти, хотел, чтобы колдун сжег его дотла и, как было обещано, развеял пепел по дому. Но в этом ему было отказано. Ему суждено стать игрушкой колдуна.

Когда над ним сомкнулась тьма коридора, живая, исходящая холодом, Сигмон обмер от ужаса, намочил в штаны и потерял сознание.

* * *

Не было дня и не было ночи. Лишь тьма и свет, боль и покой, жара и холод. Обрывки бессвязных видений не давали уснуть, затягивали на темное дно, в бездну кошмаров. В редкие минуты просветления Сигмону чудилось, что он попал в мир, где страдания и жизнь означали одно и то же. Он не знал, кто он, где и зачем. Потом возвращалась способность связно мыслить,

и курьер понимал, что это не сон, вспоминал, где находится, и – начинал кричать. Он выл до тех пор, пока колдун не погружал его в новый кошмар.

И все же, когда отступала боль, слабели заклинания и действие дурманящих отваров, Сигмон открывал глаза и видел то, что казалось продолжением кошмаров.

В первый раз удалось понять, что он находится в темном подвале, освещенном лишь парой факелов. Сигмон сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Он попытался пошевелиться, но запястья были прикованы к стене железными кольцами. Все тело болело, ломило спину, а руки затекли и стали как деревянные колоды. Удалось лишь поднять голову и разглядеть, что перед ним стоит длинный стол, уставленный стеклянными колбами, ретортами и жуткими на вид конструкциями из блестящего металла. Блеск инструментов напомнил Сигмону, что многие из них погружались в его тело. Курьер застонал, попытался собраться, подтянуть ноги под себя, но даже на это не хватило сил. Он застонал, уронил голову на грудь и погрузился во тьму.

Иногда сны прерывались. Тогда Сигмон видел перекошенное злобой лицо колдуна. Фаомар бил пленника по лицу, по рукам, но Сигмон не чувствовал боли. Вернее, чувствовал, но она казалась ему чем-то далеким и незначительным, словно ее ощущал не он, а кто-то другой. Кошмары мешались с реальностью, переплетались так тесно, что тан не понимал, где есть что. Однажды колдун проткнул его грудь мечом, и тан понял, что это все-таки сон. В другой раз Фаомар ударил его так сильно, что сломал ребра. И, корчась от боли, тан подумал, что это уже по-настоящему.

Следующее пробуждение запомнилось намного лучше. Сигмон сразу понял, что проснулся, и мгновенно вспомнил, что произошло. Мага в подвале не оказалось, и на этот раз Сигмону удалось осмотреться. Он был по-прежнему прикован к стене, а перед ним возвышался все тот же стол, уставленный зловещими колбами и приборами. Но теперь в подвале горели факелы, и Сигмону удалось рассмотреть стены. Подвал был большой – не меньше гостиной. Стены сложены из мелких темных камней, покрытых плесенью, а потолок забран прогнившими досками. За столом, в темной стене, едва виднелась большая дощатая дверь. Слева от нее было большое пустое пространство с гладким полом, напоминавшее площадку для тренировок. Об этом же говорил и деревянный стенд с оружием, устроившийся у самой стены. Сигмон прищурился и разглядел три меча, топор-клевец и пристроенную сбоку кавалерийскую саблю. Свою саблю. Курьер подумал, что он не первый «гость» подвала. Думать о судьбе предшественников не хотелось, и, чтобы отвлечься, Сигмон повернул голову, пытаясь рассмотреть дальний угол подвала, погруженный во тьму. То, что он увидел, заставило тана пожалеть, что он отвел взгляд от стойки с оружием. Вдоль стены шел длинный желоб, выдолбленный в полу. Оканчивался он большой темной дырой, очень похожей на жерло колодца. Желоб, скорее всего, служил кровостоком. Сигмон уже видел такой – в темнице армейской казармы, куда попал за драку с офицером. Там-то ему и объяснили, зачем нужен желоб.

Несмотря на то, что он чувствовал себя заметно лучше, Сигмон совсем пал духом. К нему вернулась ясность ума, но легче от этого не стало. Скорее наоборот. Он ясно понимал, что колдун ставит на нем опыты, и, скорее всего, после долгих мучений его ждет страшная смерть. Рассчитывать на то, что его будут искать, не приходится. Он свернул с утвержденного маршрута, и, даже если по его следам пойдет армейская разведка, они не догадаются выяснить короткий путь. К деревне Холмовицы. Конечно, если бы он был командиром полка или хотя бы капитаном, его бы искали долго, тщательно и, быть может, даже нашли. Но он – всего лишь курьер, кадет. Его объявят дезертиром и назначат вознаграждение за поимку. На том и успокоятся.

Сигмон застонал и облизнул пересохшие губы. Ишка, кадетский корпус, родное поместье, мама, отец... Все это было так давно. Прошлая жизнь казалась сном, чудесным сном, счастливым уголком, куда не суждено вернуться. Никогда. Впереди только мучения, кошмары

и смерть. Сигмон подумал, хочет ли умереть? Прислушался к себе и понял: хочет. Сейчас же. Он заворочался, но был настолько слаб, что даже не смог сесть поудобнее. Вспомнились рассказы преподавателей о том, как во время полувековой войны с Волдером вражеские лазутчики убивали себя, чтобы не выдать тайны под пытками. Они откусывали себе языки, глотали кровь и в конце концов умирали.

Язык был сухим и шершавым, как кора дуба. И непослушным. Сигмон мял его зубами, пытался ухватить, но тот болтался из стороны в сторону, как яблоко в бочке с водой. Наконец курьеру удалось придавить его передними зубами. Он сжал челюсти, со страхом ожидая боли, но она так и не пришла. Он нажал сильнее, чувствуя, как немеет челюсть, и понял, что у него нет сил даже укусить самого себя. Мышцы ослабли, рот раскрылся, и Сигмон заплакал. Он дышал открытым ртом и плакал без слез, рыдал от обиды на то, что не властен даже над своей собственной жизнью.

– Тебе сегодня лучше?

Сигмон замер и постарался сжаться в комок. Этот голос. Он не забывал его даже в самых страшных снах. Голос колдуна, принесшего ему новую пытку.

Опустив голову, чтобы не видеть приближение источника мучений, он замер. Но он все равно слышал, как колдун подходит к нему, цокая каблуками сапог по каменному полу, и сердце вздрагивало в такт шагам мучителя. Был ли тот в подвале с самого начала, или вошел только что? Сигмон не знал. И знать не хотел. Он постарался отодвинуться подальше от мага, но лишь плотнее уперся спиной в стену и жалобно заскулил. Тотчас сильная рука схватила его за волосы, запрокинула голову, и Сигмон увидел лицо Фаомара, предвещавшее начало нового кошмара. Его глаза сияли алым огнем – не горели яростью, как раньше, но сияли удовольствием, как у человека, увидевшего наяву свою мечту.

– Ну что же, – довольно произнес колдун. – Продолжим.

Он разжал пальцы, и голова Сигмона упала на грудь. Курьер закрыл рот, набрал воздуха и завыл. Он выл до тех пор, пока магия колдуна не погрузила его в новый кошмар, наполненный болью и отчаянием.

* * *

На этот раз очнулся Сигмон от ласкового прикосновения. Очередной кровавый кошмар выворачивал его наизнанку, сводил с ума, заставлял биться в оковах, но на этот раз что-то было не так. Прикосновение... Ласковое прикосновение к щеке. К правой. Ощувив это, Сигмон рванулся прочь из забытья, наваждение отступило, и он почувствовал, что вернулся в реальный мир.

Глаза так и остались закрытыми, немного кружилась голова, но в целом чувствовал он себя прекрасно. Некоторое время Сигмон просто молча висел в цепях и наслаждался давно забытым ощущением покоя. Его правую щеку гладили нежные тонкие пальцы, гладили ласково, легко, так, как это умеет делать лишь женская рука. Холодная как лед.

– Ишка, – прошептал Сигмон, и тут же рывком вернулась память. – Ишка!

Он вскинул голову, открыл глаза и замер. На него смотрело прекрасное женское лицо: тонкие брови, прямой ровный нос, пухлые алые губы, румянец на щеках... Лаури. Дочь колдуна. Нежить.

Сигмон вздрогнул, повернул голову, уклоняясь от очередного касания, и прижался щекой к холодной стене.

– Проснулся? – тихо спросила Лаури, наклоняясь к самому уху Сигмона.

Он не ответил, только плотнее вжался в стену, почувствовав щекой грубый рубец каменной кладки.

– Ты выглядишь лучше, чем раньше, – продолжила Лаури, и ее низкий грудной голос прозвучал как гром. – Как ты себя чувствуешь?

Чувствовал он себя прекрасно, словно и не было бесконечных кошмаров, пыток и голода. Тело снова ему подчинялось, руки налились силой, а боль отступила. Только немного кружилась голова. Все было хорошо, но Сигмон не стал отвечать. Просто закрыл глаза, надеясь, что вернется привычный кошмар, а чудовище в облике девушки исчезнет.

– Отвечай! – резко бросила дочь колдуна.

Она схватила Сигмона за подбородок и с неожиданной силой повернула голову к себе. Курьер встретился с ней взглядом и моргнул. В ее остекленевших глазах не было ни малейшего признака жизни. Только пустота и легкая дымка, как будто девушка и впрямь давно умерла. Но это не испугало Сигмона – после пыток колдуна он не боялся ничего и никого. Ему стало неприятно, только и всего. И немного – любопытно.

– Кто ты? – спросил он. – Кто?

– Тебе незачем это знать, юнец, – бросила Лаури.

– Что тебе нужно? – снова спросил Сигмон, не отводя взгляда от мертвых глаз.

Лаури улыбнулась, ее губы искривила ухмылка, открывая ряд белоснежных зубов.

– Мне нужна твоя жизнь, – просто сказала она. – Только и всего. Надеюсь, теперь ты поправился и восстановил силы. Они мне понадобятся.

– Кто ты?

– Какая тебе разница?

– Кто?

Лаури отпустила его подбородок и рассмеялась – резко и зло. Она отступила на шаг и легко повернулась, исполнив замысловатое танцевальное па.

– Правда, красивое тело? – спросила она. – Скоро оно будет моим. Полностью.

– Ты призрак, – бросил Сигмон. – Нежить. Фаомар скоро это поймет, и ты займешь мое место.

– Как бы не так! Старик слишком увлечен своими экспериментами. Он немного заигрался, вообразил себя Творцом. Он создал это тело, наделил его примитивными чувствами, простейшим сознанием... И оставил лазейку для меня. Это было очень просто. Я захватил этот фантом сразу, как только он появился на свет. Единственная неприятность заключалась в том, что это тело было бесплотно. Оно появлялось и исчезало по желанию мага, но я всегда возвращался – потому что этот самоуверенный глупец не знал о маленькой незапертой дверце...

– Демон, – с отвращением произнес тан.

– Можешь звать меня и так, – ответила Лаури и кокетливо улыбнулась.

– Зачем это тебе?

– Зачем демону тело? Глупый вопрос. Чтобы жить. Здесь, в этом мире сладких и мягких тел, наслаждаясь каждой прожитой минутой и каждой каплей пролитой крови.

– Ты лжешь. Фантом не может ничего коснуться. Фаомар поднял тебя из могилы, ты просто оживший мертвяк...

– Замолчи! Я коснулся тебя! И подружку твою пощупал, и этих деревенских мужиков!

– Зачем? За что?

– Мне просто нравится – касаться вас... так. И потом, мне нужно было немного крови, немного вашей жизненной силы, чтобы это тело обрело плоть и независимость. Пришлось начинать с малого, с тонких эманаций... Пять долгих лет... Потом насекомые, животные, и вот, наконец, я добрался до самых лакомых кусочков... До вас. Осталось немного, совсем чуть-чуть, и тогда я начну жить по-настоящему.

– Так ты убивал...

– Да. Чтобы оживить фантома. Я умею это делать. Но для этого нужно много крови, много!

Демон в обличье Лаури подался вперед, наклонился над Сигмоном и обнял его за плечи.
– Сегодня, – прошептал он. – Это будет сегодня. Старый дурак сам не понимает, что делает. Ну и хорошо. В тебе много силы. Очень много. И вся она будет моей!

Сигмон почувствовал, как холодные губы коснулись его щеки, и попытался отвернуть голову, но лишь стукнулся затылком о стену. Демон провел по его щеке языком и засопел от возбуждения. Сигмон вскрикнул и забился в цепях, пытаясь освободиться. Он не желал становиться добычей этой твари. Жажда смерти отступила, и теперь он не хотел умирать. Только не так. Не так!

Он вырывался, бился, как рыба в сетях, но все усилия были напрасны: демон был сильным, а движения Сигмона сковывали цепи. Наконец разозленная тварь схватила его голову обеими руками и прижала к холодной стене.

– Тише, – прошипела она, когда Сигмон попытался ударить ее коленом. – Не дергайся, человечек. Твои мучения скоро кончатся.

Голова Лаури склонилась, как поникший цветок – медленно и нежно. Курьер почувствовал, как холодные губы прильнули к его шее, и закричал что было сил. Тотчас холодная ладонь легла на рот, заглушая крик.

Сигмон ерзал на месте, с ужасом чувствуя, как его плоть рвется под напором зубов демона, и в рану проникают клыки, холодные, как лед. Он ничего не мог сделать. Тварь пила кровь, забирала его жизнь, а Сигмону оставалось только стонать от ужаса и ждать смерти.

– Лаури!

Тварь вздрогнула, как от удара. Она отстранилась от Сигмона, и он увидел ее белое, как простыня, лицо. По узкому подбородку стекала кровь – его кровь. Демон моргнул, и пустые глаза девушки вдруг оживились, стали осмысленными.

– Лаури!

Демон резко поднялся на ноги, шагнул в сторону, и Сигмон увидел, что у дальней стены, за столом, стоит Фаомар. Он смотрел на дочь, и в его глазах таяло удивление.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

– Отец, здесь человек. Он болен, и я решила...

Брови мага дрогнули, он вскинул обе руки, вытолкнул от себя невидимый шар, и демон взвизгнул. Его тело взмыло в воздух и прижалось к стене, как лист бумаги.

– Кто ты? – закричал маг, и его борода затряслась.

Демон не ответил. Он шипел, извивался, но невидимая сила, с которой курьеру уже довелось познакомиться, крепко прижимала его к стене. Колдун взмахнул правой рукой, и тело Лаури стало меняться. Сигмон увидел, как ее лицо вытянулось и почернело, а ладони превратились в лапы с длинными и острыми, как бритва, когтями.

– Проклятие! – взвыл Фаомар. – Как ты посмел! Моя дочь, моя Лаури!

Демон замер, но превращение продолжалось. Его тело менялось: из плеч вылезли длинные шипы, ноги вытянулись и стали похожи на волчьи лапы. Платье исчезло, открыв мощное мохнатое тело. Из фантома Лаури на свет вылупилось отвратительное шипастое чудовище, похожее на помесь волка и жука.

– Моя дочь... – застонал маг. – Я верну тебя, верну!

– Ты опоздал, – прошипел демон. Подобрал под себя чудовищные лапы, он с силой оттолкнулся от стены и прыгнул.

Колдун вскрикнул, его отбросило назад и ударило спиной о стену. Демон оттолкнулся одной лапой от пола и одним прыжком взлетел на стол. Стекланные лабиринты колб разлетелись тысячами брызг, над столешницей взвился клуб сизого дыма, и черную фигуру лизнул язык пламени. Демон зашипел, метнулся в сторону, но тут же взмыл в воздух, как от удара, отлетел к стойке с мечами и с размаху обрушился на нее всем телом. Стойка разлетелась в щепки, и оружие со звоном рассыпалось по каменному полу.

– Давай! – крикнул Сигмон, забыв о своей ненависти к колдуну. – Давай!

Фаомар, услышав крик, резво вынырнул из клубов дыма, окутавших стол. Руки он держал перед собой, перебирая пальцами воздух, словно плел невидимую сеть. Демон вскочил на ноги, пригнулся, готовясь атаковать, но тут с рук колдуна сорвался огненный шар. Тварь метнулась в сторону, и пламя расплескалось по остаткам деревянной стойки. Фаомар выругался, и с его пальцев сорвались еще два огненных шара.

Демон метался по подвалу, уворачиваясь от огня. Стены, потолок, пол... Как мячик в детской игре. Круглый, прыгучий, почти неуловимый. И быстрый – слишком быстрый.

– Давай! – кричал Сигмон. – Жги!

Он жаждал увидеть, как тело демона охватит пламя, как оно лопнет от магического жара и разлетится по подвалу сотней дымящихся ошметков. Он страстно желал этого, желал победы колдуну, позабыв и о пытках, и о ненависти. Он хотел видеть, как умрет тварь, убившая Ишку. Но пока он видел только то, что демон слишком быстр.

Сигмон заворочался, пытаясь избавиться от цепей, и с удивлением обнаружил, что тело послушно и полно сил. Руки налились тяжестью, в голове прояснилось, и он смог встать на колени. Курьер напряг правую руку, потянул на себя... Стальной браслет, вросший в стену, даже не шелохнулся. Зарывчав, Сигмон дернул его еще раз и еще... Оковы не поддавались. Он обернулся, чтобы попросить колдуна о помощи, и чуть не вскрикнул.

Демон, уворачиваясь от огненных шаров, вспрыгнул на потолок и прижался к гнилым доскам. Фаомар вскинул руки, выпустил новый шар огня, и тут же демон рванулся вперед, обрушившись на колдуна всем телом. Фаомар сдавленно вскрикнул, тварь навалилась на него, но тут же ее объяло жаркое пламя. Демон взвизгнул, метнулся в сторону и покатился по полу, сбивая огонь, с размаха наткнулся на стену, ударился головой о камень и замер.

Колдун рывком поднялся на колени, оперся о пол руками и тяжело встал. Борода его сгорела, одежда дымилась, а левая щека висела кровавыми лоскутами. Его пошатывало, он едва держался на ногах, но не собирался сдаваться. Фаомар подался вперед, вскинул руки, и на кончиках пальцев вновь появилось пламя.

– Жги! – крикнул Сигмон. – Жги!

Но колдун вдруг вздрогнул и опустил руки. Курьер, выворачивая шею, обернулся на демона и застонал. У стены лежало тело Лаури. Дочь колдуна выглядела, как раньше: ни ран, ни ожогов, ни страшных когтистых лап...

– Отец, – прошептал фантом, поднимая голову.

– Нет! – закричал Сигмон. – Не верь ему! Это демон!

Но Фаомар не слышал его. Он медленно ковылял к дочери, протягивая к ней обожженные руки, на которых теперь не было пламени.

– Вернись! – крикнул курьер, но маг шел вперед.

Тело фантома выгнулось дугой и взлетело в воздух, обретая очертания демона. Извернувшись на лету, он приземлился рядом с колдуном и с налета запустил в него длинные когти. Фаомар забился в когтях демона, но тот легко поднял тело старика над головой и бросил вперед. Колдун с грохотом шлепнулся на стол, проехал по нему, сметая остатки колб, и замер на самом краю. Демон прыгнул следом, прошелся по столу и присел на корточки, нависнув над телом Фаомара. Выглядел он по-прежнему, как Лаури, вот только из рукавов призрачного платья торчали черные звериные лапы с длинными когтями, походившими на крестьянские серпы.

Колдун вздрогнул и захрипел. Из рваных ран на его теле ручьями текла кровь, но он все еще был жив.

– Фаомар! – отчаянно крикнул Сигмон, понимая, что все кончено. – Фаомар!

Демон повернул к курьеру милое девичье личико. Алые губы искривила злая улыбка, и раздвоенный, как у гада, язык ощупал воздух.

– Подожди, – сказала тварь. – Твой черед еще не пришел. У меня есть одно незаконченное дело...

Демон резко нагнулся и вцепился когтями в живот колдуна. Фаомар запрокинул голову, захрипел и судорожно забил ногами по столу. Чудовище вырвало из живота колдуна кусок мяса и вцепилось в него длинными клыками.

Сигмон застонал и опустил голову, стараясь сдержать тошноту, подымающуюся из желудка душной волной. Демон же, как нарочно, поглощая плоть Фаомара, урчал и шумно чавкал. У курьера снова закружилась голова, во рту разлилась горечь. От страшной мысли, что следующим блюдом нежити станет он сам, сделалось еще хуже, и Сигмона стошнило желчью.

Отплевываясь, он ощутил странный толчок: каменный пол под коленями едва ощутимо вздрогнул. Сигмон подумал, что ему показалось, но потом дрогнула и стена, боднув его в спину, как норовистый теленок. Курьер вскинул голову. Тварь по-прежнему сидела над телом мага и насыщалась плотью. Рука Фаомара свешивалась со стола, по ней бежал ручеек крови: под столом собралась уже приличная лужа. Тан шумно сглотнул, решив, что начинает сходить с ума, но в тот же момент понял, что происходит.

Колдун умер. Его магия ушла вместе с ним, и дом, построенный с ее помощью, начал разрушаться. Все, что наколдовал Фаомар, должно было умереть вместе с ним. Сигмон с надеждой глянул на тварь, но она и не думала исчезать – видимо, кровь курьера и плоть мага позволили ей окрепнуть и удержаться в этом мире. Похоже, желание демона исполнилось, и он обрел настоящее тело.

Новый толчок, едва уловимый, снова пришелся в спину. Сигмон повернул голову и заметил, что железный браслет на его запястье потускнел, покрылся патиной – словно состарился в один миг. Не веря глазам, Сигмон дернул рукой, и металл блестящей трухой осыпался на пол. Колдовство, сковавшее его, уходило.

Курьер бросил быстрый взгляд на чудовище. Оно продолжало насыщаться, зарывшись лицом в живот колдуна, и даже не смотрело в сторону пленника. Сигмон неслышно вздохнул и рывком освободил вторую руку. Тварь ничего не заметила.

Сигмону сразу стало лучше, в голове прояснилось, сердце кузнечным молотом бухало в ребра, а в висках стучала кровь. Курьер пошевелился и убедился в том, что тело прекрасно его слушается. Даже мышцы не затекли. Похоже, колдун просто не успел насладиться на него очередное ослабляющее заклятье.

Тварь довольно заурчала, курьер вздрогнул, но чудовище так и не оторвалось от страшной трапезы. Сигмон прикусил губу. Теперь он свободен, но что в том проку, когда выход загораживает смертоносная тварь, одолевшая колдуна? Даже если бы у него было оружие... Оружие! Сигмон повернул голову и прищурился, стараясь рассмотреть, куда делось оружие с деревянной стойки. Сразу же на глаза попался один из мечей: он лежал ближе остальных, в нескольких шагах от ног Сигмона и призывно поблескивал клинком. Это был полторник с длинным и узким клинком, созданный для фехтования, для мастера клинка. Наметанный глаз курьера отметил и узор на гарде в виде птичьих лап, и оголовье с блестящим камнем, и синеватый отблеск лезвия... Похоже, меч был настоящим боевым оружием, без лишних украшений. Во всяком случае, выглядел он как один из старых эльфийских мечей, выкованных в незапамятные времена – во время войны рас, а то и раньше. И если это было правдой, то лучшего оружия не сыскать во всем королевстве.

Сигмону захотелось взять его в руки, так сильно захотелось, что у него даже зачесалась правая ладонь. Он жаждал ощутить в руках приятную тяжесть оружия. Если взять меч, то можно будет хотя бы попробовать прорваться к двери.

Осторожно повернувшись, курьер взглянул на тварь. Та по-прежнему была занята едой. Тогда Сигмон тихо встал на четвереньки и, не отводя взгляда от жующего чудовища, пополз к мечу. Он надеялся, что ему удастся тихонько подобрать клинок, напасть на демона со спины и

одним хорошим ударом снести с плеч мерзкую башку. Нужно было только добраться до демона раньше, чем тот почует неладное. Один удар, только один хороший удар – о большем курьер и не мечтал.

До меча было недалеко, всего три шага, может, четыре. Но сейчас Сигмону казалось, что до него все три лиги. Обливаясь холодным потом, курьер полз вперед, замирая каждый раз, когда тварь переставала чавкать. Он не отводил взгляда от затылка демона, все еще сохранявшего облик Лаури, и полз. Он знал: остался только один шанс из тысячи. Только один.

Когда до меча оставался один шаг, Сигмон решил, что у него все получится. Иначе и быть не могло. Тварь должна умереть, ее нельзя выпускать в большой мир, никак нельзя. Демона нужно уничтожить, размазать по стенам, разрубить на куски, лишь бы это зло не вышло из подвала.

Пол вздрогнул, стены затряслись, и где-то далеко внутри дома раздался звон разбитой посуды. Тварь перестала жевать и подняла голову, принюхиваясь. Сигмон замер, проклиная так не вовремя вздрогнувший дом. До меча оставалось совсем немного – руку протянуть, и только. Но он не шевелился, боялся, что чудовище его почует, и тогда...

Тварь повернула голову, заглянула себе за спину, как умеет только сова, и уставилась на курьера. С лица молодой девушки, вымазанного кровью, на него смотрели черные и круглые, как у крысы, глаза. Долгую секунду никто не шевелился. Мир замер. А потом лицо твари стало вытягиваться, превращаясь в черную морду зверя, и Сигмон прыгнул к мечу.

Рукоять, оплетенная шершавой кожей, удобно легла в руку, словно под нее и делали. Распрямляясь, Сигмон взмахнул мечом, снизу вверх, наугад – и попал. Подскочившая тварь взвизгнула, шарахнулась в сторону. Курьер успел развернуться, отступил к стене и выставил клинок перед собой, готовясь защищаться.

Тварь стояла в трех шагах, раскинув когтистые лапы, словно хотела обнять жертву, но не нападала. Сквозь призрачную пелену фантомного тела Лаури просвечивала темная бугристая шкура. По шкуре снизу вверх шла длинная рана, сочившаяся бурой жижей. Сигмон приободрился – похоже, тварь была не такой уж крепкой, какой казалась на первый взгляд. Он перехватил рукоять меча обеими руками и выпрямил спину, приняв защитную стойку. Меч, конечно, отличался от кавалерийской сабли, но это даже к лучшему. Сигмон с детства не расставался с мечтой о двуручном клинке рыцаря и, попав в армию, не упускал случая потренироваться в работе с ним. Этим видом оружия он владел даже лучше, чем саблей.

Вытянутая морда твари вздрогнула и вновь превратилась в личико Лаури. Остались только клыки – длинные и белые клыки, раздвигавшие алые губы.

– Ты будешь умирать медленно, – сказала тварь. – Очень медленно.

– Посмотрим, – бросил Сигмон. – Ты получила тело. Хорошо. Теперь это тело можно изрубить в куски.

Лицо Лаури поблекло, уступая место чудовищной пасти волка. Демон цокнул когтями задних лап об пол и стал обходить жертву по кругу. Сигмон поворачивался следом, стараясь держаться так, чтобы лезвие меча указывало точно на голову чудовища. Он был готов отразить атаку, но тварь все не нападала. Успев отведать клинка, она теперь не спешила и выбирала удобный момент.

Сигмон напряг мышцы, проверяя, как слушается тело. Слушалось отлично. Заклятия Фаомара сгнули без следа, и курьер чувствовал себя даже лучше, чем до заключения. Он чувствовал в себе такую силу, что, казалось, смог бы разорвать тварь голыми руками. Но доверять этому ощущению не стоило. Сигмон знал: нельзя переоценивать себя и недооценивать противника. Поэтому он тоже выжидал, выбирая удобный момент для атаки.

Дом снова вздрогнул, и пол под ногами скакнул, как норовистая лошадь. Сигмон покачнулся, сделал шаг в сторону, и тварь прыгнула. Курьер припал на колени, взмахнул мечом,

подрубая демону ноги, но тот перескочил клинок и очутился за спиной. Сигмон ударил мечом назад, кувыркнулся, уходя от удара, вскочил на ноги и широким взмахом меча отогнал тварь.

Теперь демон атаковал непрерывно. Он бросался на курьера справа, слева, прыгал с потолка, крутился волчком, но Сигмон не давал твари приблизиться. Он стриг мечом воздух, вкладывая в удары всю ненависть и боль, накопившуюся за последние дни. Ярость управляла клинком, и Сигмон двигался быстро, очень быстро. Так же, как и противник.

Пол бился в судорогах, теперь сотрясения не прекращались ни на миг. Дом колдуна разваливался на части, стены шли трещинами, и гул при этом стоял, как при сходе горной лавины. С потолка сыпались гнилые щепки, из стен вываливались куски камня, но ни Сигмон, ни демон не замечали этого. Они были слишком заняты друг другом.

Меч действительно был хорош. Отлично сбалансированный, он легко отзывался на малейшее движение пальцев Сигмона, позволяя плести сверкающую паутину, что не давала демону подойти ближе. Курьер пытался атаковать и сам, но тварь была быстра, очень быстра. И когда после очередного выпада Сигмон замешкался, она вскочила на потолок и прыгнула сверху. Он успел только выставить меч перед собой острием вверх и наклонить голову. Тварь напоролась на клинок всем телом, завизжала и ударила курьера в грудь обеими лапами.

Удар был так силен, что Сигмона отшвырнуло в дальний угол подвала, к кровостоку. Он ударился спиной о стену, упал на пол, но не выпустил из рук меч. Тварь прыгнула следом, нависла над курьером, и он рванулся в сторону, кувырком уходя от удара. Но когти скользнули по спине, толкнули, и Сигмона бросило вперед, на обломки деревянной стойки. Он кувыркнулся, встал на одно колено и успел занести меч. Тварь уже нависла над ним, вскинула когтистые лапы, готовясь рвать податливое человеческое тело... Но она не успела ничего сделать. На этот раз удар попал в цель – точно в середину мохнатого бедра. Нога демона подломилась, он покачнулся, взмахнул лапами, и Сигмон встал, рванув меч снизу вверх.

Меч оказался настоящим. Клинок старой эльфийской работы развалил демона на две части, располосовал его от паха до макушки, и половинки тела, взорвавшиеся потоками бурой жижи, разлетелись в стороны.

Сигмон отступил на шаг и опустил клинок. Останки твари еще содрогались, шевелились, как два раздавленных жука. Когтистые лапы царапали пол, оставляя в камнях глубокие зарубки. Сигмон поднял руку и провел по груди, вспомнив, что получил удар в грудь. Крови не было. Покачав головой, он глубоко вздохнул и убедился, что ребра целы. Все было в порядке. Тогда он взялся за меч обеими руками и принялся за дело.

Остановился курьер только тогда, когда от твари остались сотни мелких кусочков, и нельзя было разобрать, где голова, где лапы, где туловище. Брезгливо оглядев получившееся крошево, Сигмон подошел к стене, взял один из факелов и бросил его в бурое месиво. Не обращая внимания на щепки, сыпавшиеся с потолка, вернулся к столу. Отвернувшись от раздробленного на куски тела колдуна, он взял со стола пару уцелевших колб, вернулся к останкам твари и бросил колбы прямо на факел. Взметнувшееся пламя лизнуло потолок, куски демона вспыхнули синим огнем, и курьер шарахнулся в сторону. Он вскинул руку, защищая лицо от огня, и стал смотреть, как пламя с треском пожирает то, что осталось от демона. Он был готов смотреть на это вечно. Ярость и гнев отступали, таяли в пламени вместе с тварью, и Сигмону стало легче. Теперь в душе оставалась только боль.

Очнулся он от удара в плечо. Вздогнув, он поднял глаза и увидел, что потолок ходит ходуном. Теперь из него вываливались целые доски – одна из них и хлопнула его по плечу. Дом колдуна разваливался на части и, похоже, должен был вот-вот рухнуть. Больше медлить было нельзя. Сигмон повернулся, плюнул в синий огонь и бросился к двери.

Дом колдуна напоминал оживший кошмар: столбом стояла пыль, из стен вываливались камни, пол бился в предсмертных судорогах. В темноте металась ожившие тени, и казалось, что дом наполнен призраками, сошедшими с ума. Но Сигмон, испытавший кошмары Фаомара,

не чувствовал страха. Прикрывая лицо ладонью, он шел по коридорам, шел к выходу, туда, откуда лился густой рекой холодный воздух. Пробираясь сквозь завалы камней, перепрыгивая через трещины в полу, тан старался идти быстро. Чувствовал, осталось немного. Дом держался из последних сил, словно давая возможность гостю отомстить за своего хозяина, но его силы были не бесконечны.

Впереди, в конце коридора, мелькнул светлый проем, и курьер бросился к нему. Дом вздрогнул, и сверху потоком хлынули доски, камни, куски штукатурки... Больно ударило по плечу, но это только подстегнуло, заставило перейти на бег. У самой двери Сигмон споткнулся. Он упал на колени, пополз вперед, и тут же позади него обрушилось каменное перекрытие, наглухо завалив коридор. В спину дохнуло жаром, как из плавильной печи, и Сигмон закричал. Он полз вперед, чувствуя, как расступается под ногами пол, и никак не мог встать на ноги. У самого порога он замешкался, пытаясь перебраться через большой камень, и тут же пол ушел из-под ног. Проваливаясь в бездну, Сигмон закричал, и вдруг получил сильный удар в спину.

Он вылетел в открытую дверь, прокатился по каменным ступеням и с треском вломился в кусты сирени. Барахтаясь в путанице ветвей, он испуганно вскрикнул: показалось, что ослеп. Но, разглядев в темноте собственную руку, понял, что на дворе ночь, только и всего.

Обернувшись, он увидел, как из черной пасти двери вырвался язык пламени, рассыпавшийся ворохом искр по каменным ступеням. Сигмон испуганно подтянул ноги. Дом проседал в себя, проваливался под землю, а на его развалинах уже плясало ослепительное пламя. Жар от него шел нешуточный, и Сигмон понял, что скоро запылает и сад. Он встал и, покачиваясь на ходу, как пьяный, побрел прочь.

Через ограду он перебрался с трудом: силы его оставили. Он потратил их на сражение с чудовищем и теперь был слаб, как новорожденный. И все же он шел, полз, карабкался, стремясь убраться прочь от этого проклятого места.

Тяжело перевалившись через забор, Сигмон упал на дорогу у самых ворот. Конечно, никакого коня здесь уже не было. Курьер слабо выругался, выплюнул пыль, набившуюся в рот, и, ухватившись за железные прутья ворот, поднялся на ноги.

В саду бушевал огонь. Кусты у порога дома пылали, как факелы, и огонь с них переползал на деревья. Луна заливала сад призрачным белым светом, и Сигмону казалось, что горят не деревья, а люди, вскинувшие к ночному небу тонкие руки. Он щелкнул пальцами, отгоняя зло, отвернулся и побрел по дороге, освещенной алым заревом. Позади с грохотом обрушился дом, пылающие куски кровли разлетелись по саду, но тан даже не оглянулся. Он шел вперед, в темноту, едва перебирая ногами. Он ничего не слышал и едва дышал. Меч, намертво зажатый в правой руке, он тащил за собой, и клинок выписывал острием волнистую линию в дорожной пыли. В голове было пусто, перед глазами плыли сине-зеленые пятна, и все происходящее казалось продолжением кошмара. Сигмон хотел только одного – убраться подальше от этого страшного места.

* * *

Утром, когда бледное зарево пожара слилось с первыми лучами солнца, Сигмона нашли крестьяне. Встревоженные всполохами огня, заметными даже в деревне, они все-таки собрались с духом, вооружились и вышли на дорогу. Их терпение кончилось, и на этот раз они были полны решимости разобраться в том, что происходит, и узнать, чем еще колдун может навредить деревне. Шли с опаской, медленно, чуть ли не на ощупь – не спешили лезть в пасть колдуну. Хотя они и вышли затемно, но еле плелись, не решаясь признаться друг другу, что боятся темноты. Но когда небо просветлело, они приободрились и пошли быстрее.

Едва миновав поля, они наткнулись на человека. Он полз прямо по дороге, сжимая в правой руке длинный меч с узким клинком. Весь в пыли, в саже, в запачканной рубахе, босой,

с обгоревшими волосами, он больше походил на ожившего мертвеца, чем на человека. Он выбрасывал вперед левую руку, черную от грязи, опирался на локоть и подтягивал следом тело, елозя коленями по пыльной дороге. И так – раз за разом. Было нечто жуткое в его неумолимом движении вперед, нечто такое, что заставило крестьян отступать назад и поднять дубины.

Потгон, возглавлявший толпу, первым узнал курьера. Прошел ровно месяц с того дня, как погибла его дочь и пропал гость, но староста верил, что они еще встретятся с Сигмоном. Вернувшийся конь убедил крестьян, что военный не сбежал, как думали поначалу, а сгинул в логове колдуна. На помощь не пошли: Потгон, обозленный на гостя, не велел. Лишь отправили новое письмо в Меран и перестали ночами выходить из домов – на том и успокоились. На письмо, как и следовало ожидать, никто не отозвался.

Наткнувшись на курьера, староста обрадовался. Он не смел даже надеяться на то, что пропавший гость одолел колдуна. И все же при виде живого курьера, сжимавшего оружие, Потгон скрестил пальцы на удачу.

Когда Сигмона подняли и перевернули, он потерял сознание. Курьер был закопчен, как углежог, его одежда превратилась в лохмотья – разорванные, прожженные и смердящие, как будто из отхожего места. И все же жизнь еще теплилась в безвольном теле.

Вода из фляги привела курьера в чувство. Открыв глаза, Сигмон узнал Поттона и застоялся. Староста тут же вцепился в него, как клещ, насел с вопросами, желая знать, что стряслось на этот раз. Сигмон отвечал тихо, часто сбивался, но толпа, окружившая курьера, затаив дыхание ловила каждое слово. Узнав, что нечисть уничтожена, колдун убит, а его дом сожжен, крестьяне обрадованно зашумели. Больше не было нужды продолжать опасный поход в неизвестность. Подхватив Сигмона на руки, они потащили его в деревню, а староста, на радостях назвавший курьера сыном, пустился вперед – успокоить баб, заранее поднявших вой по своим мужикам.

Сигмона внесли во двор Поттона, когда солнце уже поднималось над лесом, заливая деревню теплом. Пока его несли, Сигмон очнулся и даже успел рассказать деревенским подробности сражения. Он все еще был слаб, но чувствовал себя преотлично. Начало нового дня он принимал как начало новой жизни, свое второе рождение, и ему казалось, что с каждой минутой в него вливаются новые силы.

Когда крестьяне подошли к деревне, он окончательно пришел в себя и даже хотел идти сам, но ему не позволили. Деревенские на руках пронесли его по улице ко двору старосты и положили у колодца на заботливо подстеленную рогожу.

Во дворе собралась без малого вся деревня. Шумели: кто хвалил гостя, кто сомневался в его рассказе, а кто и звал земляков сходить проверить: все ли так, как говорит чужак.

Сигмон сел, прислонился спиной к срубу колодца и отмахнулся от помощи деревенских баб, хотевших снять с него порванную одежду. Он положил меч на траву, подставил лицо солнечным лучам и прищурился. Тан не обращал никакого внимания на крики деревенских, ему было наплевать на все, кроме одного – он жив и на свободе. Кошмар последних дней отступал и уже начинал забываться: рассудок услужливо вычеркивал из памяти страдания. Сигмон знал, что никогда не забудет того, что случилось, никогда... Но сейчас ему хотелось сидеть, подставляя лицо утренним лучам солнца, и ни о чем не думать. Он был готов сидеть так вечно.

Из блаженного оцепенения его вывел староста. Встав на колени, он одной рукой ухватился за плечо Сигмона, а вторую сунул ему под нос. В руке оказалась глиняная кружка. Его содержимое было настолько духовито, что у Сигмона аж слезы выступили. Он широко раскрыл глаза, принял кружку и единым махом выпил самогон. Староста аж крякнул. Потом отнял опустевшую кружку и поднялся на ноги.

– Что встали! – заорал он. – Марш по дворам. Работать кто будет?

– Как он там? – крикнули из толпы.

– Живой! К вечеру очухается! Ну-ка, расходитесь, земляки. Приходите к ужину, там и поговорим. Косматый!

– А!

– Бери кумов, сходи к дому колдуна. Посмотри, как оно там. Может, чего дожечь надобно.

– Иду!

Сигмон ухватился за край колодца и поднялся. Ему стало лучше. Самогон пробежался по жилам огнем, взбудрил, заставил сердце биться чаще. Хотелось дышать полной грудью, кричать от радости и петь. Хотелось жить.

Деревенские уже начали расходиться, поглядывая в сторону гостя, а староста стоял к нему спиной и беседовал с пятью крепкими мужиками, видно, кумовьями того самого Косматого. На крыльце дома стояла Мариша, жена старосты. Она прижимала к лицу платок, и ее плечи вздрагивали. Сигмон взглянул на нее и тут же отвернулся.

В животе урчало. Хотелось есть – жареный бараний бок подошел бы в самый раз. И пить. Самогон. Или хотя бы воды, холодной прозрачной воды – самой обыкновенной.

Оглядевшись, Сигмон нашел ведро, бросил его в колодец и закрутил ворот, выбирая цепь. Оно вернулось к нему, полное прозрачной чистой водой, такой, какая бывает только во снах. Курьер плеснул этой красотой себе в лицо, зажмурился от счастья, потом поднял ведро и припал к краю. Пил долго. Вода смягчила горло, обожженное самогоном, холодным комом ухнула в живот. Сигмону сразу стало легче, словно с плеч упал тяжелый камень. Он поднял ведро, облился с головы до ног и довольно зафыркал. Потом бросил ведро в колодец и содрал с тела остатки рубахи. Ему страшно захотелось смыть с себя всю грязь, которой он оброс в темнице.

Сигмон сначала и не заметил, как стало тихо. Лишь когда скрип колодезного ворота громом разнесся по утихшей деревне, он почувствовал неладное. Обернувшись, курьер увидел, что староста и кумовья Косматого пялятся на него во все глаза. Из-за плетня смотрели еще трое – все с открытыми ртами. Стало так тихо, что был слышен звон мошкар.

– Что? – спросил Сигмон, чувствуя, как живот сводит судорогой. – Что?

Никто не ответил. Лишь один из мужиков ухватил рукав старосты, поднял дрожащую руку и ткнул пальцем в Сигмона. Курьер опустил взгляд. Пальцы его разжались, зазвенела цепь, и ведро с грохотом ухнуло в колодец.

От пупка до самой шеи кожа Сигмона стала черной. Она была покрыта выдавленными ромбами и больше всего напоминала шкуру змеи. На груди красовались две глубокие царапины – от когтей демона. Сигмон дрожащей рукой коснулся их и обнаружил, что грудь на ощупь стала твердой, как камень, и холодной, как лед. Чужая кожа шла от пояса до шеи, покрывала плечи и спускалась до самых локтей – словно курьер натянул кольчужную рубашку.

– Нет, – прошептал Сигмон, вспоминая, как колдун тыкал в него мечом. – Нет!

В том, что это результат опытов Фаомара, Сигмон не сомневался. Все его мучения вылились в чужую крепкую кожу, ставшую живой кольчужой.

– Проклятый колдун! – крикнул Сигмон изо всех сил. – Проклятый!

Из-за плетня робко донеслось:

– Нежить?

– Нет! – крикнул Сигмон. – Это от колдуна! Он издевался надо мной, пытал!

Но было поздно. Толпа подхватила крик. Те, что стояли ближе, двинулись на Сигмона. Под сильными руками деревенских мужиков захрустел забор – колья выворачивали из земли, отдирали доски. И только староста отвернулся, закрыл руками лицо и упал на колени.

– Стойте, – крикнул курьер, выставив вперед руку. – Я объясню! Это от пыток!

Мужики в первом ряду остановились, но за ними шли другие. Те, что ушли раньше, теперь возвращались на крик, неся в руках колья, вилы, топоры...

– Нечисть, – крикнули из толпы. – Эта тварь вернулась!

– Мужики, бей его, пока не утек! Рази!

– Огнем его, огнем!

Сигмон с ужасом смотрел на приближавшихся мужиков. Ему вспомнился Фаомар, назвавший толпу многоголовым чудовищем, лишенным разума. Ей ничего нельзя объяснить, рассказать, втолковать, она не слышит слов. У нее нет ушей. Только клыки.

Тан отшатнулся от наступающей толпы. Сейчас она походила на стоглавую гидру, изображение которой Сигмон видел еще в детстве, в книгах отца. Фаомар... Бедный маг. Он так и не оправился от удара судьбы. Толпа сломала его, заставила возненавидеть людей и уйти от них подальше, стать отшельником. Сигмон прикусил губу и внезапно понял, что у него остался только один выход.

Босая нога курьера поддела меч и оплетенная кожей рукоять уже привычно легла в ладонь, неся спокойствие и уверенность.

– Назад! – гаркнул Сигмон во все горло. – Назад!

Мужики из первых рядов отшатнулись, полезли назад. Вперед выступили другие – с кольями и вилами. Заблестели ножи, над толпой взметнулись топоры – деревенские не собирались отступить.

Сигмон шагнул назад, держа меч перед собой. Его время было на исходе, толпа готовилась наброситься на него, навалиться разом, засыпать телами, задавить... Но он никак не мог решиться. Нужно было прыгнуть вперед, расчистить себе дорогу мечом, прорубиться сквозь строй мужиков. Пусть деревенские ни в чем не виноваты, пусть они считают его нежитью, чудовищем. А для него чудовища – они. Неблагодарные твари, готовые из-за простого подозрения убить его, уцелевшего в схватке с демоном. Но что дальше? Он мог бы перебить всю деревню, чувствовал, сил – хватит. Но чем тогда он будет отличаться от демона, которого вчера разрубил на куски этим самым мечом? Чем?

Толпа напирала. Сигмон широким взмахом срубил вилы самого смелого мужика, и остальные шархнулись назад.

– Конь! – крикнул Сигмон. – Где мой конь?

Никто не ответил. Из толпы вылетел нож, глухо стукнул о грудь тана и отлетел в траву. Курьер выругался, перескочил через сруб колодца и побежал к сараю – туда, где староста держал лошадей. Осмелевшие мужики заорали и кинулись следом, потрясая своим нехитрым оружием.

Сигмон заскочил в сарай, захлопнул дверь, обернулся и облегченно вздохнул. Он угадал – рядом с доходягой Поттона стоял его Ураган. Конечно, чужая лошадь, вернувшаяся без седока, достанется главному, то есть старосте.

В дверь глухо шмякнули – видно, плечом, с разбега.

– Убью! – рявкнул Сигмон и бросился в глубь сарая.

Сорвав со столба уздечку, он подбежал к Урагану, и жеребец захрапел, подался назад, вращая глазами. Сигмон обхватил руками его голову, прижался к ней лицом.

– Ну же, – бормотал он. – Давай попробуем, давай.

Конь беспокойно переступил с ноги на ногу, но, почуяв знакомый запах, фыркнул и расслабился. Признал.

Сигмон быстро накинул уздечку и оглянулся, поискав взглядом седло. Того нигде не было видно, и курьер выругался – жадный староста наверняка утащил его в дом.

На крыше что-то загрохотало, и курьер пригнулся, опасаясь, что наверх забрался стрелок. Тут же все стихло, но зато потянуло горелой травой, и Сигмон догадался, что в ход пошли факелы.

– Собачьи дети, – выдохнул он и вспрыгнул на спину Урагану.

В открытое окно влетел еще один факел и покатился по полу, поджигая сено. Оно занялось в десятке мест, и пламя с ревом взметнулось до потолка. Ураган захрапел, испуганно заржал и подался назад.

– Вперед, – крикнул Сигмон, отчаянно колотя пятками бока жеребца. – Вперед!

Ураган прыгнул через огонь и заплясал у закрытых ворот. Сигмон осадил жеребца и с размаха ударил в них ногой. От удара створки распахнулись, затрещали и сорвались с петель. Ураган тут же прыгнул наружу, спасаясь от клубов сизого дыма, подмял кого-то, прошелся по мягкому и одним прыжком оказался у плетня.

Сигмон обернулся. Толпа мужиков, окруживших пылающий сарай старосты, яростно горланила вслед. Вдгонку курьеру полетели вилы и топоры. Он пригнулся к самой шее Урагана и послал его вперед, к забору. Разоренный мужиками на колья, тот не стал препятствием для жеребца, который птицей перепорхнул через обломки и помчался по улице.

Оставляя за собой клубы сизой пыли, Ураган несся к околице. Со всех сторон слышалась брань, в наездника кидали чем попало – и горшками, и топорами, и всем, что под руку повернется. Больно ударило по ноге, потом задело голову... А потом деревня кончилась.

Ураган шел галопом по лесной дороге, по той самой, что привела курьера в деревню. Сигмон прижимался лицом к шее жеребца и плакал. В полный голос, навзрыд. Ему не было больно, нет. Но Сигмон знал, что теперь ему до конца дней своих придется нести на теле отметину колдуна. И кличку чудовище. Ведь он стал уродом, выродком, и теперь ему нет места среди людей. Если его тайну раскроют, то в любом городе повторится то же, что в этой деревне. Но Сигмон знал, он – не чудовище. Он и пальцем не тронул никого из толпы – в отличие от той твари, что вселилась в дочь колдуна. Сигмон знал, он – человек. Надо только найти чистую рубаху и прикрыть это отвратительное клеймо, оставленное проклятым колдуном на его теле. И все будет в порядке. Все наладится. Теперь все должно быть хорошо. Должно. Сигмон верил в это, истово верил, потому что больше не во что было верить. Но сердце почему-то болталось в груди холодным комком, и он все плотнее вжимался лицом в гриву Урагана.

И слезы не кончались.

Глава 2

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДОВИЩЕ

Пол камеры источал ледящий холод. Сигмон лежал на спине и чувствовал, как постепенно немеют ноги и руки. Легкая рубаша и старые армейские штаны не спасали от стывших камней. Спина ничего не чувствовала: новая кожа спасала и от холода, и от жары, в этом тан уже успел убедиться. Хотелось перевернуться – затылок начал ныть от холода, да и шея затекла, но не получалось: заклинание сковало тело невидимыми цепями. Оно должно было лишить и сознания, но что-то не получилось. Маги ошиблись, наверно, не приняли в расчет того, что он уже не совсем человек. Теперь Сигмон мог и думать и слышать, но не мог двигаться. И – говорить. Оставалось только валяться немой колодой на холодном полу и дожидаться, когда два мага из городской коллегии Вента соизволят зайти в камеру и посмотреть, на что наткнулась военная разведка. Сигмон надеялся только на то, что маги снимут заклинание, чтобы поговорить с ним. И тогда все, наконец, прояснится. Больше надеяться было не на что.

Он допустил одну ошибку. Всего одну маленькую ошибочку, но она оказалась из тех, о которых жалеют всю оставшуюся жизнь. Как правило, не слишком долгую. Ведь тогда, выбравшись из деревни, он почему-то вообразил, что стоит только вернуться к привычной жизни – и все пойдет по-прежнему. Все станет, как раньше, и подвал Фаомара забудется, как страшный сон. Сигмон верил в это, ему хотелось, чтобы так было, и он обманул сам себя. Обмануть других ему не удалось.

Когда курьер, опоздавший на целый месяц, появился на заставе, – оборванный, как бродяжка, голодный, измученный, то его встретили, как положено: без лишних разговоров скрутили и бросили в застенки. Тан не сопротивлялся – надеялся, что вскоре все выяснится. Начальник гарнизона явился к нему лично, правда, только через сутки, и только потому, что тан отказался разговаривать с низшими чинами. Сигмон попытался рассказать ему, что произошло: и про демона, и про колдуна Фаомара, и про деревню. Граф Тимарон сочувственно кивал, и в его глазах не было ничего, кроме безнадежной скуки, – он слышал сотни таких историй. От дезертиров. Но, стоило тану задрать грязную рубашу, снятую с огородного пугала в одной из деревень, как все изменилось в мгновение ока. Граф, разом поверивший словам пленника, птицей выпорхнул из камеры, так споро, словно заключенный попытался съесть его заживо.

Через несколько минут полковой маг свалил тана с ног заклинанием, обездвигил, а кузнецы заковали пленника в цепи. Потом его бросили в железную клетку, водрузили на повозку и уже к вечеру отправили в Вент.

Тана везли в клетке всю дорогу, как дикого зверя. Полковой маг, головой отвечавший за пленника, держал его в полубабытстве, не ослабляя магических уз ни на миг. В полубреду Сигмон не уставал проклипать себя за глупость, но сделать ничего не мог: он попался. Удобного случая для побега так и не представилось, молодой маг хорошо знал свое дело, к тому же до жути боялся пленника и потому не спускал с него глаз. Бывшему курьеру оставалось лишь покориться судьбе.

Она привела его в подвал казармы, в холодную камеру темницы, где ему доводилось бывать прежде. Брошенный за решетку, голодный, измученный, Сигмон проклинал и судьбу, и колдуна, и свою глупость. Все оказалось напрасным: его мучения, жертвы, решения... Одна темница сменилась другой, только и всего. Иногда он думал, что лучше бы стал настоящим чудовищем, полудиким зверем, обреченным вечно скрываться в лесу. Зато там не было бы цепей.

В темнице вентского гарнизона он провел два дня. Сначала Сигмон пытался разговаривать с тюремщиками: требовал позвать графа Тиффера – начальника кадетского корпуса, капитана Веламара – начальника курьерской службы и вообще хоть кого-нибудь. Ему не отвечали. Стражники старались держаться подальше от пленника, а еду бросали в камеру, прямо на пол. Сорвав голос в первый же день, тан отчаялся. Никто к нему так и не пришел. И все же ему повезло.

К вечеру второго дня в темницу явился старший курьерской смены сержант Ритик. Они дружили с Сигмоном еще со времен учебы. И когда до него дошли слухи о странном пленнике, сержант решил сам посмотреть, во что превратился его товарищ.

Они говорили недолго, минут десять: скоро должна была начаться смена караула, и сержант торопился. Но и этого времени ему хватило, чтобы понять: тан – по-прежнему человек. Это не составило труда – всего лишь нужно было поговорить с пленником как с человеком. Ритик сделал это и убедился, что его друг – все тот же Сигмон ла Тойя, курьер, попавший в переплет.

Выслушав сбивчивый рассказ тана, сержант поведал другу, что именно его ожидает. Оказалось, что Сигмона должны были осмотреть маги из городской коллегии. Граф Тиффер пригласил их сразу же, как только доставили странного пленника. Но маги не спешили, сейчас они занимались другим заключенным армейской темницы – молодым повесой, сотворившим, по слухам, нечто ужасное. Держали его в соседней камере. Сигмон знал, это не редкость – гарнизонные застенки крепче городских, поэтому самых опасных заключенных помещали именно сюда. Услышав, что рядом маги, он чуть не взвыл. Тан сразу же потребовал, чтобы они немедленно пришли, рвался рассказать про Фаомара и про демона, но все впустую. Сержант не имел права приказывать магам.

На прощание Ритик посоветовал ему сидеть спокойно, ждать своей очереди, надеяться на милость магов и уповать на судьбу. И еще пообещал замолвить словечко графу Тифферу о курьере, волею судьбы попавшем в странную историю. Потом сержант ушел, а тан остался в темнице. Не в силах уснуть, он сидел у стены до самого утра, страшась пропустить визит магов. Долго не выдержал. Заснул, проснулся, снова заснул – а их все не было. Тан злился, но больше не кричал и не требовал коменданта. Сейчас ему нужно было выглядеть спокойным и здравомыслящим. Его история и без того смахивала на горячечный бред.

Магов он почувствовал сразу: трудно не почувствовать заклинание, превращающее тебя в неподвижную колоду. Рухнув на каменный пол, Сигмон так и остался лежать, ожидая, когда появятся маги. А они все не шли. Мгновение казались годами, минуты – веками. Умом Сигмон понимал, что прошло не больше четверти часа, но ему казалось, что минуло тысячелетие. И когда оно было на исходе, дубовая дверь, окованная железными полосами, закрипела и запахнулась. В камеру зашли маги: два седых благообразных старца в серых плащах. Тан попытался пошевелиться, но не смог. Маги начали неспешный разговор, уверенные, что пленник их не слышит, и тогда Сигмон понял: все только начинается. Все его беды впереди.

* * *

- Медис, вы это видите?
- Конечно, вижу, Кларенс, я не слепой. И прекратите бубнить – вас и так не слышно.
- Но нас могут подслушивать.
- Бросьте, кому вы нужны. Это тюрьма, а не трапезная коллегии.
- Все же...
- Хватит, Кларенс. Сосредоточьтесь на работе. Посмотрите, какой чудесный образец.
- Граф Тиффер уверял, что они поймали чудовище. Признаться, я думал, что речь идет про оборотня, но это создание больше похоже на человека.

– Но следы магического вмешательства еще видны. Посмотрите на левый бок.

В камере стало так тихо, что Сигмон услышал, как где-то далеко хрипит кто-то из заключенных. Он попытался открыть глаза, но веки даже не шевельнулись, зато огнем ожгло бок. Следом по телу пробежала волна щекотки – словно сухой веткой провели. Он понял, что маги изучали его тело, используя волшебство.

Тан попытался двинуть рукой, но без толку. Тело не подчинилось. Маги здесь, рядом, надо объясниться с ними, поговорить! Нужно рассказать про Фаомара, этого безумца, что ставил на нем опыты, рассказать про лабораторию в подвале... Тщетно. Он не может шевелиться, не может говорить. Маги видят в нем лишь диковину, интересный случай, но не более того. Неужели так сложно с ним поговорить? Не рассматривать, а всего лишь побеседовать, расспросить? Проклятие!

– Сыро.

– Что?

– Я говорю, тут невыносимо сыро. Мои суставы начинают ныть. Надеюсь, долго мы тут не задержимся. И вообще – со стороны магистра это было очень нехорошо.

– Что нехорошо?

– Отправить нас сюда, разумеется. Как будто нельзя послать пару молодых оборотов с первого круга. Эти подвалы дурно влияют на здоровье, коллега.

– Кларенс, это вы начинаете ныть, а не ваши суставы. Вы моложе меня лет на десять, а ведете себя, как дряхлый маразматик. Лучше сосредоточьтесь на волне эманаций, идущих от места мутации. Чувствуете?

– Да, след довольно четкий.

Маги снова замолчали, и Сигмон снова попытался открыть глаза. На этот раз веки дрогнули и приоткрылись – чуть-чуть. Зрение вернулось, но тан видел плохо, словно сквозь молочную дымку тумана. В этом белесом вареве ему удалось разобрать, что две сгорбленные фигуры в длинных балахонах застыли у самой двери. Два самых настоящих мага из городской коллегии. Два глупых старикана, отправленные магистром в темницу, потому что остальные заняты настоящим делом. Два старых маразматика.

– Что скажете, Кларенс?

– Это определенно не заклинание.

– Это даже коту ясно, коллега. Магическое вмешательство, разумеется, осуществлялось. Это привело к мутации объекта, а само воздействие давно прекратилось.

– Это я и без вас вижу, коллега. Интересно, поражено лишь тело или пострадал и разум?

– Посмотрите на ауру вокруг его головы. Четко видны следы поражения.

– Да, выглядит ужасно.

Тан попытался крикнуть, но горло свело судорогой, и только. Сердце гулко стучало в груди, глаза налились кровью, в ушах зашумело. И только. Маги ничего не замечали, да они и не хотели ничего замечать. Самовлюбленные болваны заняты лишь собой, им дела нет до того, что перед ними человек. Тан попытался сглотнуть – и не смог. Слюна потекла из уголка рта, прямо на каменный пол. Неужели так ничего и не выйдет?

– Интересный случай. Никогда не видел ничего похожего на такое воздействие.

– Знаете, Кларенс, в молодости я слышал о подобном. Тогда я учился в коллегии магов при Гернийском университете. Занятое было времечко, смею вас уверить. Помнится мне, что один из наставников – Леггер Васта...

– Хромой Леггер?

– Именно. Так вот, он рассказывал о похожем случае. Жуткая, доложу вам, история. Мутант погубил целую деревню, прежде чем его поймали. Он тоже был покрыт такой кожей, помнится, Леггер называл ее драконьей шкурой. Но то чудовище, как мне помнится, мало напоминало человека – больше ящерицу. Вскрытие показало значительное изменение внут-

ренных органов. Эту тварь уже нельзя было назвать человеком, хотя когда-то оно, несомненно, принадлежало людскому роду.

– И что дальше?

– Ничего существенного. Этого не было в программе обучения, Леггер рассказывал нам это как интересный случай. Кажется, он говорил, что это произвольная мутация, вызванная концентрацией остаточного магического действия. Помнится, еще он хвастал, что провел вскрытие и даже написал трактат об этом опыте. Кажется, пытался доказать необратимость мутации. Или наоборот. Не помню точно, все-таки полсотни лет прошло.

– Так что будем делать с этим образцом?

– Полагаю, заберем в коллегия, так же как виконта.

– Сейчас?

– Что вы, Кларенс, не хватало еще возиться с этой нечистью. Представим магистру отчет, он пошлет кого-нибудь из второго круга.

– Что запишем в карточке?

– Так. Пишите: необратимая мутация, вызванная магическим вмешательством третьего круга.

– Третьего?

– Хорошо, хорошо. Напишите четвертого. Опасность, пожалуй, все пять. Не нравится мне эта тварь, слишком похожа на человека. Это обличье может обмануть простаков, и тогда жди неприятностей. Леггер в своих описаниях был очень убедителен. Пометьте: рекомендованный режим содержания – полная изоляция с лишением сознания. Не хватало нам еще дикого зверя в коллегии.

– Там и так хватает зверья, коллега.

– Браво, Кларенс! Стоит запомнить.

– Думаете, магистр сам займется этой тварью?

– Он займется виконтом. А эту диковину скинет на нас, будьте уверены. Нам еще предстоит с ней повозиться. Потом, конечно, явится кто-то из столицы, прочтет отчеты, заберет результаты исследований и получит очередную почетную награду. Вы же знаете, Кларенс, как это бывает. Вся слава достается этим молодым нахалам из столицы. Только потому, что они умеют вовремя перехватить чужое дело.

– Ну и что же нам делать?

– Ничего, коллега. К сожалению, это неизбежно. Нам с молодыми карьеристами, увы, не тягаться. С объектом же поступим, как с тем оборотнем. Сделаем все как всегда: на стенд, полная изоляция, изучение реакций на раздражители, повышение экспрессивности воздействия до полной нейтрализации объекта, а потом вскрытие. Жаль, если заберут тело. Вышло бы прекрасное чучело. Идеально бы подошло к тому оборотню, что стоит в углу моего кабинета.

– А мутация? Думаете, ничего интересного?

– Вряд ли. Рядовой случай. Скорее всего, действие древнего артефакта или аномальной магической зоны. Носятся такие вот молодчики где попало, а нам потом разбираться. Но, думаю, все быстро объяснится.

– Вскрытие покажет?

– Именно, коллега.

– Быть может, свяжемся с Леггером? Составим запись исследования, увяжем два случая, проведем сравнительный анализ. Это будет серьезная работа, ее не заберут – не посмеют связываться со стариком.

– Кларенс, вы окончательно выжили из ума. Хромой Леггер в могиле уже два десятка лет. Думаете, Гернийский университет просто так называют Леггеровским?

– Ах да. В самом деле.

– Лучше скажите – вы все записали?

– Извольте, уже готово.

– Тогда пойдемте скорее прочь. У меня заложило нос. Вы правы, тут ужасно сыро.

– Оставим заклинание неподвижности?

– Вам хочется тратить на это силы? Посмотрите: окон нет, дверь надежная, снаружи охрана. Если мы оставим покров неподвижности на сутки, то потом будем ходить полусонные дня два, а то и больше. Лучше снимайте заклинание и пойдемте. Скоро обед.

– Всенепременно, коллега.

Когда железная дверь с лязгом захлопнулась, освобожденный Сигмон застонал. К нему вернулись и зрение, и слух, но ушла надежда. Два выживших из ума старика решили его судьбу. Походя, между делом, одним росчерком пера убили его, даже не обратив внимания на то, что он еще дышит, что еще может мыслить и чувствовать. Они относились к нему как к предмету.

Перевернувшись на живот, тан подполз к стене, закрыл руками лицо и заплакал. У него не осталось сил даже на проклятия. Разговор магов, подписавших ему смертный приговор, лишил сил надежней, чем самые сложные заклинания. Он – чудовище. Мутант. Урод. Его будут резать на куски, внимательно изучать и рассказывать потом молодым магам о странном случае мутации. А через десяток лет они даже не вспомнят, о чем им рассказывали. Все верно. Он не человек и не может рассчитывать, что с ним будут обращаться по-человечески. Завтра два мага – молодых и сильных – лишат его сил и перенесут в коллегия. На стол. А там... Интересно, если он останется в сознании, то что в таком случае почувствует, когда его начнут потрошить словно рыбу?

От этой мысли сделалось жарко. Сигмон вскочил на ноги и ударил кулаками в стену. Нет, это невозможно! Невозможно думать об этом! Проклятая метка! Тан размахнулся и ударил себя по животу – по новой черной шкуре, надежно защищавшей от холодного оружия, но бессильной против холодной людской жестокости.

Проклятый колдун! Безумный убудок! Да и сам он тоже хорош. Что стоило стать настоящим дезертиром, убежать в леса или осесть в какой-нибудь деревушке? Нет. Он возжелал вернуться в тепло и уют человеческой жизни. Вот и вернулся.

– Эй! – закричал Сигмон. – Стража! Верните магов! Позовите капитана! Эй! Кто-нибудь, будьте вы прокляты!

Никто не ответил. Тан молил, угрожал, льстил, проклинал, упрашивал – впустую. Каменные стены оставались глухи и немы, как и положено стенам темницы. Сигмон кричал до тех пор, пока снова не сел голос. И только тогда, обессиленный и отчаявшийся, он повалился на пол и вжался щекой в холодную стену. Он почувствовал, как внутри что-то сломалось. Что-то хрупкое и тонкое надломилось с тихим звоном и с немыслимым грохотом ухнуло в черную бездну, лишив его последней надежды на спасение.

Теперь он хотел только одного – чтобы завтра заклинание магов сработало как надо и все-таки лишило его сознания. Он не хотел знать, что с ним будут делать и как. Не хотел чувствовать. Тан хотел умереть – прямо сейчас, не дожидаясь, пока его тело устроят на железном столе для опытов. Он уже прошел через это в подвале безумного мага и теперь обмирал от ужаса, представляя, что все это может повториться.

Черное забытье, пришедшее к нему, очень напоминало сон. Сигмон предпочел, чтобы это была смерть, но это оказался всего лишь обморок.

* * *

Очнулся он от странного звука, будто провели пальцем по шершавой стене. Сигмон вздрогнул, открыл глаза и замер – почудилось, что рядом кто-то есть. В камере царила темнота, но из маленького окошечка в двери лился ровный свет коридорных факелов.

Тан сел. В камере – никого, да и кто тут может еще быть? Но странное ощущение не проходило. Сигмон знал, что на него смотрят. Он чувствовал это, всем телом, всей кожей чувствовал.

– Кто здесь? – хрипло спросил он.

Никто не ответил. Сигмон невольно поежился, вспоминая темницу Фаомара. Все тот же кошмар: ночь, подземелье и кто-то невидимый, но живой, рядом. Демон?

Вдруг стало темно, и тан чуть не вскрикнул. Окошко в двери заслонили – кто-то заглянул в камеру. Сигмон вскочил на ноги и сжал кулаки, готовясь дорого продать свою жизнь.

– Кто вы? – тихо донеслось из-за двери.

– А вы?

– Виконт Риго де Сальва к вашим услугам.

Сигмон облегченно выдохнул: ночные кошмары остались в прошлом. Это всего лишь другой узник, товарищ по несчастью. Наверно, тот самый виконт, кем заинтересовался сам магистр коллегии магов.

– Так кто вы?

– Тан Сигмон ла Тойя, курьер Вентского полка... Бывший курьер.

– Ла Тойя? Рад знакомству, тан.

Голос у виконта оказался тихим, но глубоким. Мягкий баритон просачивался сквозь дверь и наполнял камеру мягким звучанием. Казалось, что виконт стоит рядом, и тан был этому очень рад. Отрадно знать, что тут живая душа и с ней можно разговаривать. Пусть даже это тоже заключенный. Заключенный?

– Виконт, а что вы делаете в коридоре?

– Пытаюсь понять, какой болван поставил на двери камер замки, которые прекрасно отпираются простым ножом.

– Виконт!

– Для вас, сударь, просто Риго.

– Риго, вы можете открыть эту дверь?

– Думаю, да. Скажите, тан, вы ничего не имеете против ночных прогулок?

– Освободите меня, виконт!

– Немного терпения, любезный тан. Немного терпения.

Сигмон прислонился к стене, чувствуя, как по телу пробежала горячая волна и обожгла макушку. Сердце выдало барабанную дробь, отозвавшуюся в висках. Бежать! Если только удастся выбраться из камеры, добраться до забора и выскочить на улицы ночного города... Больше никогда, ни за что на свете он и близко не подойдет к городу! Нет, он не сделает такой глупости. Он забьется в самую чащу леса, подальше от людей и магов, городов, деревень... Но что же виконт там возится?

– Риго?

Дверь заскрипела и распахнулась. В камеру тотчас хлынул свет факелов, на мгновение ослепив тана. Он замешкался, прикрыл ладонью глаза и заморгал, как сова, вытасенная из дупла ясным днем.

– Ла Тойя?

Темный силуэт виконта заслонил дверной проем, и тан увидел, что его новый знакомый довольно высок и при этом худ, словно долго голодал. Но, несмотря на это, от силуэта веяло неукротимой жадной деятельностью и уверенностью в благополучном исходе любой авантюры.

– Тан, вы идете?

– Конечно! Благодарю вас, Риго!

Сигмон рванулся к двери и выскочил в коридор, едва не сбив виконта с ног. Но тот вовремя отшатнулся, ухватил тана за рукав и развернул к себе.

Де Сальва оказался сухощавым молодым человеком, на вид не старше самого Сигмона. Длинные черные волосы обрамляли узкое лицо с острыми, чуть высоковатыми скулами. Темные, почти черные глаза смотрели озорно, словно побег из армейской темницы был для их владельца не более чем ребячьей шалостью. Похоже, де Сальва чувствовал себя намного лучше и уверенней Сигмона. Да и выглядел виконт более пристойно: черный камзол, сейчас измятый и запачканный, сшит по последней моде и когда-то стоил хороших денег. Волосы, хоть и растрепанные, похоже, совсем недавно завивал лучший цирюльник города – маг и искусник причесок. Тан решил, что виконт де Сальва определенно был щеголем и городским повесой. Таких молодчиков бывший курьер часто видел в городе. Но почему он попал в темницу?

– Тан, вы сказали, что были курьером?

– Точно так. Зовите меня Сигмоном, виконт. От всего сердца благодарю вас! Я уже попрощался со свободой и не чаял, что когда-нибудь выйду из этих дверей живым.

– Сигмон, вы знаете, куда ведет этот коридор?

Ла Тойя огляделся, пытаясь понять, где они очутились. Он бывал в этой темнице, правда, давно. Тогда его посадили на три дня за драку с одним чванливым лейтенантом, вздумавшим сделать из молодого курьера личную прислугу. Но это случилось давно, пару лет назад. Хотя с тех пор тюрьма вряд ли изменилась. Застенки не перестраивают каждый год, они остаются неизменными целые века. Этим и ценны.

– Если пойти прямо, а потом свернуть направо, – припомнил Сигмон, – то мы выйдем к караульной комнате. Там должен сидеть охранник. Если пойти по большому коридору налево, то мы выйдем к главному входу. Там будет комната с охраной. Но недалеко от караулки есть неприметная дверь. Служебный ход. Если ее открыть, то можно будет подняться по ступенькам на улицу. Тогда мы окажемся между казармами. Рядом забор, а за ним улица.

– Отлично!

– Подождите, Риго. Тут должен быть еще один караульный. Обычно он ходит по коридору и осматривает камеры.

– Не волнуйтесь, тан. Ему вздумалось осмотреть мою камеру, и он остался в ней. Наверно, ему понравился мой матрас из гнилой соломы.

Сигмон взглянул на виконта, пытаясь понять, шутит или нет. Де Сальва выглядел тощим подростком, способным побороть разве что хромого цыпленка, но, похоже, не шутил. Взгляд его был пронзителен и строг. Теперь виконт не улыбался, хоть вокруг глаз и появились морщинки. На миг городской щеголь пропал, и Сигмону теперь казалось, что его освободителю лет под сорок, если не больше.

– Пойдемте, Сигмон. Надо торопиться. Только умоляю вас, сударь, ступайте тише. Надо постараться застать второго караульного врасплох.

Без лишних разговоров виконт повернулся и заскользил по коридору бесшумно и легко, словно тень. Сигмон двинулся следом, стараясь не шуметь и удивляясь, как легко движется Риго. Чувствовалось, что тому не в новинку пробираться по коридорам вот так: бесшумно, тайком, скрываясь от бдительных взоров охраны. Вор? Виконт – вор? Может быть. Но почему тогда им заинтересовалась коллегия магов? Неужели он был настолько беспечен, что украл что-то у стариков? А быть может, обворовал самого магистра?

– Сигмон!

– Иду, иду!

Де Сальва стоял уже у поворота и с укоризной смотрел на тана. Сигмон поторопился, прибавил шаг, споткнулся и оперся рукой о дверь. Тотчас из-за нее раздался приглушенный крик:

– Эй!

Тан вжался в стену и замер, не решаясь даже вздохнуть. Риго бесшумно скользнул к двери и приник к зарешеченному окошку.

– Господа! Добрые господа! Выпустите меня отсюда!

– Тише! Кто ты такой?

– Лавочник Виуд. Добрые господа, пожалуйста...

– Тише! Стража услышит!

Де Сальва закрыл ладонью окошечко и повернулся к Сигмону.

– Там какой-то лавочник. Что будем делать?

– Может быть, возьмем с собой? – спросил тан.

– Зачем? Он может испортить все дело.

– Благородные господа! Я ни в чем не виноват, это все доносы! Пожалуйста...

– Да тише ты, болван! Умолкни!

– Риго. – Сигмон взял виконта за рукав. – Вы можете его освободить?

– Пожалуй. Замок точно такой же.

– Давайте возьмем его с собой. Нехорошо оставлять взаперти того, кого можно спасти.

Тем более что сами мы бежим.

– Проклятие! – Де Сальва снова зажал рукой окошко. – Сигмон, это же просто лавочник.

– А он что, не человек?

– Господа! Господа! Я закричу!

– Ах ты мразь, – прошипел Риго. – Прикончить бы его, да времени нет. И шума будет много.

– Если мы оставим его здесь, он поднимет тревогу.

– Вы правы, тан. Придется взять его с собой.

Виконт отодвинул тяжелый засов и присел на корточки, всматриваясь в замок. Потом в его руке блеснул нож, и тут же заскрипело железо.

– Господа!

– Тише, Виуд, – попросил Сигмон. – Сейчас мы вас освободим.

Лавочник тихо скулил, как побитая собака, и царапал ногтями дверь с той стороны, словно желая помочь спасителями.

Замок глухо щелкнул, и виконт поднялся на ноги. Нож исчез из его руки так же внезапно, как и появился.

– Виуд!

Дверь распахнулась, и в коридор вывалился пленник. Это оказался коренастый широкоплечий мужик с заметным брюшком. Взлохмаченная рыжая борода была испачкана засохшей кровью, давно не стриженные волосы сбились колтунами. Разбитые губы алой сливой висели в бороде, придавая лавочнику вид сладострастца.

– Господа! – простонал лавочник, прижимая к груди пухлые руки. – Спасибо! Спасибо!

– Заткнись, – зло бросил виконт. – Умолкни, не то перебудуешь всю стражу.

Виуд затряс головой, зажал себе рот ладонью и знаком показал, что будет молчать. Виконт смерил его взглядом, скривился и повернулся к тану.

– Куда теперь?

– Направо по коридору. Еще полсотни шагов, и мы подойдем к караулке. Там должен быть охранник.

– Отлично, – прошептал Риго. – Идите за мной. И старайтесь больше не шуметь. Сигмон, присматривайте за лавочником.

Поджав губы, виконт одернул камзол и свернул за угол. Сигмон положил руку на плечо трясущегося лавочника и мягко подтолкнул. Тот опустил взлохмаченную голову и покорно двинулся вслед за Риго.

Дверь караулки оказалась приоткрыта. Из широкой щели лился яркий свет масляного фонаря. Сигмон забеспокоился: что если правила изменились и теперь дежурят не два, а четыре стражника?

Виконт, шедший первым, обернулся и махнул рукой. Сигмон и Виуд прижались к стене, замерли, стараясь не дышать. Риго подкрался к двери, присел и аккуратно заглянул в щель. Потом перепорхнул на другую сторону, поднялся и прижался к стене.

Сигмон попытался понять, что задумал де Сальва, но ничего дельного в голову не приходило. Виконт махнул тану рукой. Потом еще раз, но Сигмон никак не мог сообразить, что бы это значило. Наконец, потеряв терпение, Риго снял изношенный сапог и запустил им в спутников. Сигмон шарахнулся в сторону, и сапог плюхнулся посреди коридора. Виуд испуганно охнул и тут же зажал рот обеими руками.

В караулке кто-то заворочался, заскрипел лавкой и гулко позвал:

– Барго! Это ты? Эй, Барго!

Дверь распахнулась, и на пороге появился стражник с обнаженным мечом в руке. Он шагнул вперед, прищурился, привыкая к темноте, и увидел Сигмона, прижавшегося к стене. Стражник открыл рот, но закричать не успел.

Де Сальва навалился на него сзади, обхватил рукой за шею, и стражник лишь глухо захрипел. В руке виконта блеснул нож, но стражник извернулся, ударил назад локтем и вырвался из рук Риго. Разворачиваясь, он вскинул меч, но виконт рванулся вперед, сбил его с ног, и оба кубарем влетели в караулку. Оттуда раздался вскрик, и опомнившийся Сигмон бросился на помощь виконту.

Когда он влетел в караулку, все было кончено. Стражник лежал на полу с перерезанным горлом, и под ним уже собиралась темная лужа крови. Де Сальва сидел на полу рядом с телом и рассматривал свою босую ногу.

– Виконт! Вы целы?

– Все в порядке. Сигмон, вы не посмотрите, где там мой сапог?

Ла Тойя выглянул в коридор и увидел, что лавочник все так же сидит у стены, закрыв глаза от страха.

– Виуд, – громким шепотом позвал тан. – Виуд! Берите сапог виконта и несите сюда. Быстрее, быстрее!

Услышав шорох, Сигмон обернулся. Де Сальва стоял на коленях у тела стражника и бесцеремонно обшаривал его карманы. При этом он морщился, словно испытывал боль.

– Виконт, вы не ранены?

– Пустяки. Ударился рукой. Вот, возьмите нож, пригодится.

– Может, лучше меч?

– Что вы с ним будете делать? Таскать за собой в руках? Нет, не советую. Хотя тот экземпляр на столе выглядит очень неплохо.

Тан обернулся и радостно вскрикнул. На столе, между двух масляных фонарей лежал его меч, тот самый, что он вынес из подвала Фаомара. Сигмон бросился к столу и ухватился за знакомую рукоять.

– Мой меч! Виконт, это мой меч! Начальник караула, наверно, решил его присвоить.

– Ваш? Поздравляю. Отличный клинок. Раз так, то второй нож я оставлю себе. Благодарю, Виуд.

Сигмон поднял голову, с трудом оторвав взгляд от вновь обретенного меча, и увидел, что в дверях стоит сгорбленный лавочник, а виконт сидит на полу и натягивает сапог. Тан подошел и протянул меч.

– Посмотрите виконт, это старая эльфийская работа...

Де Сальва отшатнулся, словно ему ткнули в лицо горячей головней.

– Нет, спасибо, – сказал он, заметив, что тан удивленно вскинул брови. – Посмотрю в другой раз. Сейчас нам надо торопиться, скоро наступит рассвет.

Сигмон пожал плечами и осмотрелся в поисках ножен – в самом деле, носить меч в руках не самое приятное занятие. По счастью, ножны быстро нашлись – лежали на лавке и, видимо,

принадлежали одному из стражников. Меч легко вошел в них, правда, не до конца. Клинок оказался слишком длинным. Рассудив, что лучшего ожидать и не стоит, тан опоясался ремнем стражника и пристроил меч на бок.

– Сигмон, послушайте, вы бы оделись. Ваш наряд нельзя назвать приличным.

Ла Тойя с удивлением оглянулся. Виконт, оказывается, нашел плащи стражников. В один он закутался сам, а второй протягивал тану. Сигмон принял плащ, накинул на плечи, прикрыв грязную рубаху. Заметив ухмылку виконта, опустил взгляд и увидел, что стоит босиком на каменном полу. В горячке побега он забыл про то, что бос.

– Примерьте сапоги стражника, – посоветовал виконт. – Кажется, они придутся вам впору.

Ужасаясь сам себе, тан стащил сапоги с мертвеца. Еще неделю назад он и не подумал бы о таком поступке. Грабить покойника! Но все переменялось в мгновение ока: он оказался за чертой, за которой не стоит привередничать, за той самой чертой, где стыдливая мораль отступает перед желанием выжить. Примеряя еще теплые сапоги, Сигмон вдруг понял, что ему еще не раз придется обирать людей, в том числе и мертвых. Он так ясно ощутил это, что даже сердце зашлось. Сигмон медленно выпрямился и мрачно взглянул на виконта. Тот кивнул, словно догадался, что сапоги оказались в самый раз.

– Господа, – подал голос молчавший до того лавочник. – Господа, давайте поторопимся!

– Толстяк прав, – заметил виконт. – Сигмон, куда дальше?

– Идите за мной, – велел тан.

Обычный путь, по которому в темницу доставляли пленников, хорошо охранялся и вел к комендатуре, поэтому ла Тойя свернул в другую сторону, к ходу стражи – через него в тюрьму доставляли провизию. Заключение о нем, разумеется, не догадывались. Но тан прекрасно знал, где находится ход, и не забыл захватить из караулки ключи. Виконт, наблюдая за тем, как его спутник ловко открыл неприметную дверь, довольно хмыкнул. Без Сигмона ему пришлось бы с боем пробиваться к выходу из темницы.

Их никто не увидел: беглецы вышли в узкий проход между казармами, как и рассчитывал Сигмон. Отсюда было рукой подать до полковой кухни, но тан не собирался ее посещать. Сейчас им было совсем в другую сторону.

Он хорошо знал расположение караулов и маршруты часовых и потому повел бывших узников кратчайшим путем к забору в уверенности, что им никто не встретится.

Добравшись до угла склада, бывший курьер завел спутников в тупичок между стеной и забором. Здесь, в грязи и пыли росло одинокое чахлое деревце, чудом сохранившее ветки. По стволу, кое-где отполированному до блеска, можно было забраться на каменный забор, окружавший полковые казармы. Это дерево давно стало полковой легендой: им часто пользовались курсанты, чтобы тайком выбраться в город. Засады Сигмон не опасался: комендант, устав от ночных дежурств у дерева – совершенно бесплодных, потому что весть о «засаде» моментально облетала часть, – махнул на все рукой и просто усилил патрули. Рубить дерево было бессмысленно – его прекрасно заменило бы любое бревно. Поэтому сейчас Сигмон боялся только одного – как бы его бывшим сослуживцам не вздумалось прогуляться в город. Но близило утро, а в самоволку обычно отправлялись вечерами, когда впереди целая ночь.

– Великолепно! – восхитился виконт, увидев дерево. – Тан, вы наш спаситель!

Он сразу ухватился за ствол, отполированный сотней прикосновений, уперся ногой в забор, но Сигмон схватил его за плечо.

– Не сейчас, виконт. Надо подождать.

– Почему?

– Вдоль забора ходят часовые. Я не знаю, где они сейчас. Нам нужно затаиться и подождать, пока они пройдут мимо. Ждать нужно до тех пор, пока не услышим шаги. Потом досчитаем до двухсот, и лишь тогда можно будет перелезть через забор.

– Почему до двухсот? – удивился виконт.

– Столько времени надо часовым, чтобы свернуть за угол. Поверьте, Риго, все рассчитано точно. Многими поколениями курсантов.

– Вот оно что. – Де Сальва понимающе ухмыльнулся. – Тогда будем ждать. Надеюсь, что недолго.

Он взглянул на темное небо и недовольно нахмурился.

– Скоро утро, – сказал он. – Нам надо бежать, пока не рассвело. Мы выйдем не лучшим образом и мало похожи на добропорядочных граждан. При свете дня любой прохожий поймет, что мы беглые узники, и поднимет тревогу.

– Тут недалеко дом моего кума, – подал голос Виуд. – Он сейчас в отъезде, дома остались только жена и дети. Мы можем спрятаться на чердаке, хотя бы для начала. А потом переберемся в безопасное место.

– Что же, – отозвался виконт. – Приятная новость. Значит, нам нужно только немного подождать.

После этих слов он преспокойно уселся на землю и прислонился спиной к каменной стене. Он был невозмутим, словно вышел на вечернюю прогулку, а не бежал из военной тюрьмы. Лишь немного нахмурился, глянув на ночное небо. Сигмон даже позавидовал новому знакомому – его самого била мелкая дрожь. Он никак не мог успокоиться, все думал о том, что его ждет, если он попадет в руки магов. Стол, инструменты, новые опыты, мучения и кошмары. Нет. Лучше об этом не думать.

Тан положил ладонь на рукоять меча и подумал, что живым больше не дастся. Ни за что. Если ему суждено умереть, пусть это случится в бою, а не на разделочном столе.

Ожидание затянулось. Время ползло еле-еле, как тяжело груженная телега по проселочной дороге. Тан трепетал, ожидая, что охранники с минуты на минуту поднимут тревогу. И даже виконту изменила невозмутимость: он все чаще поглядывал на светлеющее небо и кусал губы. Ждать было невыносимо, но Сигмон старался держать себя в руках. Он все крепче сжимал рукоять меча, и от этого становилось легче. Оружие немного успокаивало, вселяло уверенность, но это не могло продолжаться вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.